

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ГРЕХА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Длинная тень греха

«ЭКСМО»

2007

Романова Г. В.

Длинная тень греха / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2007 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-20968-2

Любовь с первого взгляда – возможно ли такое в наше время? Оказывается, да! Встретив Влада Хабарова, юная Олеся поняла: вот он, ее родной и единственный. Только Хабаров испугался чувств бесшабашной девчонки, которая ни с того, ни с сего подошла к нему и пригласила к себе домой. Да и не до любви ему было – все мысли о разводе с изменщицей-женой... Пока Влад думал, кто-то убил его неверную супругу. Конечно же, все улики против него. И никто не верит в его невиновность: ни милиция, ни друзья. Верит лишь Олеся. Но кого убедят доводы влюбленной девушки?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-20968-2

© Романова Г. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Длинная тень греха

Глава 1

От жгучего мороза трещало все в природе. Да и в его жизни тоже. И жизнь сама, казалось, трещала по швам, которые он любовно ладил последние пятнадцать лет. Стежок за стежком. День за днем. Год за годом. А потом полетело все куда-то в тартарары – со страшным свистом. Сначала, правда, медленно катилось. Заметное ускорение гораздо позже наметилось – года четыре назад. И с тех пор... И с тех пор по накатанной вниз. Без остановки.

Влад, тяжело вздохнув, приоткрыл один глаз. Электронное табло будильника показывало половину пятого. Вставать было ему рано. Вот если бы часом позже, тогда можно и не мучиться, а смело вылезать из кровати. А сейчас... Сейчас это совершенно некстати. Начнет ходить по квартире – непременно кого-нибудь разбудит, потому что полы скрипят. О том, чтобы посмотреть на кухне телевизор, нечего и думать, наверняка нарвется на недовольный окрик. В ванную тоже нельзя. Шум воды вообще полдома разбудит. К тому же кран горячей воды что-то повизгивает. Починить бы, да все некогда.

Влад осторожно перебрался ближе к краю кровати, дотянулся до оконной шторы и слегка ее отодвинул.

Снова мороз, ну что ты будешь делать! Окно запорошило так, что даже на подоконнике спальни лед. Давно пора стеклопакеты ставить. Те, говорят, не промерзают. Давно-то давно, но... Пора еще не настала.

Вообще-то, будь его воля, он бы, может, многое тут поменял. Начал бы с окон, а закончил... женой.

От этой мысли Влад похолодел.

Надо же, он ведь впервые так подумал. Впервые за пятнадцать лет их совместной жизни и впервые за четыре последних – особо несчастных – года. Никогда прежде он даже мысли такой не допускал. Никогда! А тут вдруг в пятницу, в половине пятого утра взял и допустил. Допустил возможность нормального существования без жены. А разве оно вообще возможно подобное существование?! Пятнадцать лет – это ведь не пятнадцать дней. Это же целая жизнь, наполненная счастьем, надеждами, ожиданием. В конце концов, не все и не всегда было так плохо.

Сразу вспомнилось, как высвистывал ее на свидание под окнами общежития. В прямом смысле, высвистывал! Она высунется в окошко на втором этаже, рукой махнет и минут через пять-десять выпорхнет из дверей общаги. И тут же бегом к нему: руки вразлет, глаза сияют, губы улыбаются...

Ох, уж эти ее губы! Он ведь половину своей жизни думал только о них и, казалось, не насытится ими никогда. Разве мог он тогда предположить, что эти губы способны произносить.

Он вдруг, не заботясь о старых пружинах матраса, резко повернулся к жене и положил свою руку ей на талию. Даже не шевельнулась! Как лежала спиной к нему – она теперь всегда спиной к нему засыпала и просыпалась, – так и продолжила лежать. А раньше! Стоило ему ногой шевельнуть, тут же тянулась к нему всем телом. И могли ведь, не заботясь о времени, любить друг друга до изнеможения. Единственное, о чем всегда беспокоились, так это чтобы пацана за стенкой в соседней комнате не разбудить. Нельзя было, чтобы он слышал, как методично и осторожно поскрипывает старый матрас под ними. И еще, как, задыхаясь, душат они в себе тот последний крик. Сын не должен был слышать и догадываться, что его предки так же, как и в кино, все еще могут.

Влад невесело усмехнулся. Могут-то могут, только вот не хотят. Редко, ох как редко, стали допускать его до тела. То голова болит, то дни не те, то усталость невероятная валит с ног, то... А то и просто видеть его не желают. Глаза их на него не смотрели бы, уши не слышали бы, и так далее и тому подобное. Странно еще, что спать продолжают в одной постели. Негде просто, наверное, больше, потому и укладываются день за днем под одно одеяло.

Марина вдруг вздрогнула, напряглась и медленно, двумя пальцами стащила его руку с себя.

Ну вот! Что, собственно, и требовалось доказать. Снова его не хотят.

Ну и ладно! Влад со злостью отвернулся. Не очень-то и хотелось! Нет, так нет! Ему и в самом деле надоело навязывать себя, будто товар второсортный.

– Дурак ты, Владюха! – в прошлую пятницу вдруг произнес его старый друг и соратник Андрюха Анохин, когда они пили пиво в баре за углом.

– Почему? – вяло поинтересовался тогда он, хотя был согласен на все сто.

– Да потому! Позволяешь иметь себя, как угодно! Разве это по-мужски?! – возмутился Андрюха. – Нет! И вообще, давно пора тебе запомнить, что в этой жизни либо ты имеешь, либо тебя имеют! А тебя разве только попугай ваш не имеет! Маринка, Веник твой, теща... Последнюю я давно бы удавил собственными руками...

– Нельзя, дружище! Статья!

Влад при упоминании о теще тут же загрустил.

Давным-давно, в юности, ему казалось, что плохих людей не существует в природе. Каждый может быть в равной степени как хорошим, так и не очень. Поступки человека, думал он, провоцируются средой обитания, уровнем воспитания и образованности. А иногда и обстоятельствами. Последние могут так припереть, что любой хороший и идеальный индивидуум способен превратиться в зверя. И, собственно, не так уж Влад и ошибался. Но вот теща...

Галина Степановна, наверное, уже родилась отвратительной. Отвратительной как снаружи, так и изнутри. Она просто... Просто была средоточием зла, зависти и неприязни ко всем, кто не разделял ее точку зрения.

Влад не разделял, потому и не властвовал. Потому и называл его Андрюха дураком, не обосновательно полагая, что его все имеют. Все, кроме их попугая.

Пора заявить о своих правах. Давно пора, но Влад решил только вчера. Робко так, не в полную силу, но голос был подан.

Что он сделал?

А он попугая их семейного подарил маленькой девочке, что жила с родителями этажом выше и очень хотела птичку. Вот Влад и осуществил детскую мечту.

Что будет, когда Марина проснется и обнаружит пропажу? Она же еще не знала об этом, и Вениамин – их сын – тоже. Влад сделал это тайком ото всех, измучавшись просыпаться каждое утро в половине пятого от мерзкого стрекотания и набрасывать на клетку с вопящим попугаем старую Венькину пеленку.

Вот странное дело! Как щебетал попугай, никто кроме него не слышал. А стоило Владу скрипнуть половицей, так тут же недовольство...

Надо же, попугая теперь уже нет, а он все равно проснулся в половине пятого.

Ладно, зато у него в запасе целых полтора часа. Можно подумать в спокойной, тихой обстановке. Потом ее не будет. Марина проснется и поднимет шум из-за Кешки. Снова станет ругаться, оскорблять, проклинать тот день и час, когда согласилась на брак с ним. Потом она примется звонить своей маме и...

Вечером Галина Степановна непременно появится у них. Будет испепелять его гневными глазами и шипеть ему в спину (в лицо не осмеливается), какой он бездушный, черствый и тривиальный.

Кто же из них двоих: Маринка или ее мама впервые назвали его тривиальным? Теперь разве вспомнишь! За четыре года чего он только не услышал от мамы с дочкой.

Тривиальный... Банальный... Несовременный...

Во всем! Во всем буквально несовременен и прозаичен, как ломоть черного черствого хлеба! Это Маринка умничала.

Интеллигент от сохи. Инженер с грязными ногтями. Кулибин без штанов. Это уже тещин аккорд.

Может, в чем-то они были и правы, эти бабы. Может, и обижаться не стоило. Только... Только не мог и не хотел он по-другому. И плевать, что его однокурсники через одного в бизнес большой и малый подались. И деньжищами теперь ворочают, и на крутых тачках по городу разъезжают. А жены их не горбчатся в больницах на приемах, а по курортам катаются. Ему на это было плевать!

– Кому-то ведь надо и людей лечить, Марин, – резонно возражал он жене поначалу, еще лет пять назад. – И иномарки, на которых ездят мои однокурсники, чинить тоже кому-то надо. Вот я их и чиню.

– Ну почему ты?! Почему обязательно ты должен чинить, а они ездить?! Почему не наоборот?! И почему я должна рассматривать гнилые железы стариков, а не сидеть в это время на теннисном турнире в Мельбурне?!

– А зачем там сидеть-то? – всерьез недоумевал Влад. – Его по телику транслируют. Смотри, не хочу! Им там жарко, они газетками обмахиваются, морщины лишние на солнце зарабатывают. А дома на диване красота...

– Ты банален, как двухшовные семейные трусы! – ага, значит, все-таки Маринка первая заявила об этом в полный голос. – Ты же без пяти минут кандидат наук, а под ногтями у тебя вечный слой мазута вперемешку с отработанным машинным маслом! У тебя просто гордости нет, Хабаров!

– Да ну! Гордость у меня есть, Мариша. Просто я не пытаюсь прожить чужую жизнь. Я хочу своей собственной жить. И она меня вполне устраивает. Ну, чего ты, в самом деле...

Это была, пожалуй, первая, пробная волна ее недовольства – возникла стихийно и почти сразу исчезла. Они быстро перевели разговор в другое русло. А потом и вовсе забыли, из-за чего же они спорили пять минут.

Он сам все испортил. Сам, своими руками и своими благими намерениями.

Ох, как часто потом он вспоминал старую народную мудрость: не делай добра – не получишь зла. И еще одну чуть посовременнее: хотел как лучше, а получилось как всегда.

Влад имел несчастье преподнести своей жене, в качестве подарка на годовщину их свадьбы, приглашение на презентацию одного модного нашумевшего фильма.

Когда-то давно один юморист утверждал, что все его проблемы в жизни начались с того, что он имел несчастье подарить своей жене и дочке гольфы.

Несчастья Хабарова начались как раз с этого злополучного билета.

Идиот! Как ругал он потом себя, как ругал!..

Нужно было плюнуть на срочный заказ и отправиться на презентацию вместе с Маринкой. Он не плюнул, за что его, собственно, и ценили клиенты. И отправил жену вместе с тещей. Сколько работал над замороженной японской электронной начинкой, столько умилялся тому, какой он молодец. Как удачно все устроил.

Закончил работу, принял душ и усталый и довольный вернулся домой. Вернулся, а там никого. Нет. Венька, конечно, спал давно. Маринки не было. А ведь должна была уже вернуться, времени то было уже три часа ночи! Кинулся звонить на мобильный – абонент недоступен. Позвонил теще и, покрываясь ледяным потом, стоял и ждал: ответит или нет.

Ответила, сука старая! Тогда, правда, он так о ней еще не думал. И даже мамой называл.

– Мариша уехала вместе с компанией за город, Владюша, – широко зевая, объяснила теща.

– С какой компанией?! Что за компания? Там же сплошь незнакомые ей люди! И мобильный не отвечает почему-то. Я беспокоюсь, мам, вдруг что-то случилось! – правда, от сердца у дурака немного отлегло: раз за городом, значит, все нормально, то есть жива и здорова.

– Мобильный Мариша отключила, чтобы звонки не мешали. А в компании, Владюша, все приличные люди. Не стоит тебе беспокоиться. Ложись и отдыхай, устал наверняка. Она вернется утром, скорее всего. Заночуют там же.

– Да где там-то?! Где? Под березами?

– Ну почему сразу под березами? – воскликнула теща, заметно раздражаясь. – Они поехали к какому-то режиссеру или сценаристу, точно не помню, на дачу. Их там человек двадцать. Все взрослые люди. Не потеряется твоя жена, вернется. Не беспокойся и ложись спать.

Спать он улегся, хотя и беспокоился. Задремал на удивление быстро. Правда, сны видел гадкие и неприличные, отчего проснулся в холодном поту. Выпрыгнул из кровати и кинулся из спальни, успев лишь отметить, что времени уже десять утра, а постель рядом с ним по-прежнему пустует. Неужели еще не вернулась?..

Маринка сидела на кухне и накачивалась зеленым чаем. Любила она эту дрянь. Особенно если вечером выпивала немного спиртного.

– Ты что пила? – первое, что спросил он, усаживаясь в одних трусах за стол напротив жены.

– Я? – она кокетливо повела голыми плечами, на ней все еще было вечернее платье. – Так немного, чисто символически. Как спалось, дорогой? Как ты, в порядке?

Это было что-то новенькое.

Таких пустых вопросов, заимствованных у киношных героев, он не терпел. И ей об этом было известно. А все равно спросила. С чего бы это?..

– Марин... Посмотри на меня, – потребовал Хабаров, обхватил ее тонкое запястье пальцами и потянул ее руку к себе. – Посмотри на меня!

Она посмотрела, но как! Во взгляде было столько холодного вызова, столько презрительного превосходства, что Хабарова моментально пот прошиб.

Что-то произошло там – за городом, понял он сразу. Что-то гадкое, что-то омерзительное, как обрывки из его кошмарного сновидения.

– Только не нужно ничего драматизировать! – воскликнула Мариша, безошибочно угадав его панический страх. – Все нормально, Владя! Все в порядке. Все в полном, полном порядке...

Порядок оказался относительным.

Через неделю выяснилось, что жена решила поменять работу. Кто-то кому-то позвонил. Кто-то кого-то попросил, посодействовал, и Мариша из районной поликлиники перевелась в загородный санаторий. Поначалу простым врачом. А потом и главным заделалась. Из дома жена уезжала затемно и возвращалась так же. По выходным ее тоже дома не бывало. И отпусков у нее не стало. Какие отпуска, она и так круглый год в санатории, восклицала Марина со смехом...

Влад вздохнул тяжело и, чуть приподнявшись на локте, снова посмотрел на жену.

Она проснулась и лежала теперь, не шелохнувшись. Притворялась спящей! Марина так часто делала в последнее время. Будто он дурак совершенный и не понимает ничего. Он все понимает. И тогда сразу все понял, по ее блуждающему, ускользающему взгляду, по ее лихорадочному румянцу на щеках. Понял, что в ту ночь что-то безвозвратно было потеряно, что-то, что не вернется к ним уже никогда.

– А ты бы ее!.. – учил его потом Андрюха. – Я бы лично ее!..

Андрюха, может, и сумел бы, а вот он – Хабаров Владислав Дмитриевич – не мог ничего с этим поделать. Ни с ней, ни с собой.

Он все оставил как есть. Зажался, скорчился, запекся рваной раной в сердце, и оставил все, как есть. И даже не спросил ее ни о чем.

Нет, однажды все-таки спросил.

– Ты?.. Ты изменяешь мне, Марина?! – у него даже голос сел до свистящего шепота, настолько чудовищным все это казалось: и измена ее и вопрос этот.

Она рассмеялась в ответ и обозвала Хабарова тривиально несовременным.

Во как! И уехала снова на работу. А он потом еще три дня думал над ее словами в свой адрес. И к началу четвертого вдруг понял, что она не так уж и ошибается.

Он и в самом деле старомоден. Во всем, без исключения!

У него старомодные представления о любви, сексе и семье. Он всегда считал, что одно плавно перетекает в другое и потом, как следствие, заканчивается третьим.

Ему казалось, что каждый человек в мире занимает отведенную только для него и ни для кого другого нишу. И не стоит даже пытаться рожденному ползать взлететь. Глупо и безрезультатно.

Носил классические костюмы, а зимой – давно вышедшую из моды шапку-ушанку и ботинки на толстой добротной подошве. Смотрел старые добрые фильмы о любви и верности. И главное, сам был верным. Это для Хабарова являлось догмой: если женился, будь верен раз и навсегда. И не расстраивался никогда от того, что проходящая мимо красивая женщина не принадлежит ему и никогда принадлежать не будет. Он воспринимал прекрасных незнакомок, как произведение искусства. Красиво – да, смотреть хочется, восторгаться, словно шедевром, выставленным в музее на обозрение. Но нельзя же все это поместить в свой дом и в свое сердце!

Ему нравилось быть со своей Маринкой и ни с кем больше. Он любил только ее. Любил трогать ее, гладить, целовать, рассматривать. Знал каждую родинку на ее теле. И никакое другое тело он так любить и ласкать не хотел. Ни к чему все это, считал Хабаров. Как оказалось, ошибочно считал. Маринка вон думает по-другому. Дескать, несовременно это. Дескать, мир сейчас стал совсем другим. А разве так это?..

– Марин, – вдруг осмелился Влад нарушить хрупкую предутреннюю тишину в их спальне. – Ты не спишь?

Она промолчала, по-прежнему лежала с напряженной спиной и дышать старалась ровно, будто сонная.

– Не спишь, я знаю. – вздохнул он и чуть пододвинулся к ней. Голова тут же закружилась от знакомого родного запаха, а сердце защемило от горечи. – Поговорить хотел, Марин...

– Мы только и делаем, что говорим, – произнесла она глухим бесцветным голосом. – Что могут решить эти твои разговоры?

– Я без разговоров уже решил, Марин. Хотел тебе вот сказать, чтобы не стало неожиданностью.

Врал безбожно! Ничего он не решил, и решать пока не собирался. По-прежнему любил ее и мучился от сознания собственной слабости. Но раз она начала так...

– И что же ты решил? – она вдруг резко повернулась к нему. – И что же ты решил, интересно мне знать?!

Марина посмотрела на него заспанными припухшими глазами зло и непримиримо. В голые плечи впились тонкие лямки ее ночной сорочки. Влад с трудом сладил с желанием поправить их, чтобы не давили они нежную кожу и не натягивали так ткань на ее груди. Ничего, справился. Но руку ее, не удержавшись, поймал и прижал к своим губам.

– Ах, оставь, пожалуйста! – руку Марина привычно отняла и тут же отгородилась от мужа толстым слоем одеяла. – Что ты решил, можно мне узнать?!

С ответом Влад собирался минут пять, не меньше. Рассматривал жену долго. То, что удавалось рассмотреть поверх ее прикрытия. Плечи. Волосы, торчащие ежиком во все стороны. Руки с идеальным маникюром. Рассматривал и с болезненной нервной дрожью представлял,

как все это гладит другой мужчина. И так ему сделалось тошно и от враждебности ее и от видений этих, которые, скорее всего, и не видения вовсе, а самая что ни на есть настоящая правда, что Влад возьми и скажи:

– Давай разводиться, Маринка. Я так больше не могу!

– О, боже мой, начинается! – застонала она. Уставилась, не моргая в потолок, и все комкала и комкала на груди одеяло. Потом вдруг подскочила и гневно зашипела.

– С чего это ты вдруг собрался со мной разводиться, Хабаров?! Ты что с ума сошел!!! А о Вениамине ты подумал?! Ишь, чего удумал, разводиться он собрался! Погоди... У тебя что, кто-то есть?! Хабаров!..

Господи, она и в самом деле была чудовищем. Таким же чудовищем, как и ее мать. Напрасно он столько лет идеализировал ее. Да и в их отношениях не было ничего хорошего, особенно последние четыре года. Не было и, наверное, уже не будет.

Он-то по наивности своей все еще пытался что-то сохранить, связать, заштопать. Но все давно сгнило. Притворяться и не замечать стало теперь бессмысленно.

Что его так поразило? То, как она обрадовалась тому, что у него кто-то есть! Она просто возликовала, допустив мысль о его измене. Глаза моментально загорелись, щеки порозовели, и даже одеяло Маринка вдруг отбросила и сама потянулась к Владу.

– Милый, ну признайся. – утробно хохотнула она, целуя его в шею возле уха. – Давай признавайся, у тебя кто-то появился? Я так думаю, да, раз ты молчишь! Но это же все меняет!

– Что это меняет? Что?!

Ему вдруг сделались неприятны и руки ее, и губы. Еще полчаса назад мечтал о близости с Мариной, а теперь стало противно. Он вырвался и одним прыжком поднялся с кровати.

– Ты куда?! – Марина опешила, тут же отбросила одеяло в сторону и медленным дразнящим движением потянула ночную сорочку по ногам кверху. – Ты разве не хочешь меня, Хабаров? Ну, не ври, пожалуйста. Я же чувствовала, как ты ночью ко мне прижимался. И был весь такой...

– Какой? – взгляд, как приклеенный, следил за кружевной оборкой, что ползла вверх, открывая Маринины стройные бедра.

– Напряженный-напряженный, большой-большой... Хабаров, Влади-иик, ступай ко мне живо-оо... – Марина задрала ночнушку до груди и, непередаваемо грациозно изогнувшись, стянула ее через голову. – Иди ко мне, муж мой... Иди!..

И он пошел. Только не к ней, а прочь – из спальни. Совершенно не заботясь, что может кого-то разбудить, сильно хлопнул дверью и тут же скрылся в ванной. Лишь пустив воду и опершись о край раковины, он наконец перевел дыхание. До этого момента он дышать просто не мог. Мог наброситься на Маринку – да, мог бить ее, лупить по холеным щекам и ногам, драть за волосы. А вот дышать не мог. От ненависти. Неужели он и правда ненавидит ее так остро, а?! Что же ты с нами делаешь, жизнь проклятая?!

Влад поднял голову и посмотрел на себя в запотевшее зеркало. Не увидел ничего. Провел пятерней по стеклу и отпрянул невольно. О, как непросто далось ему это утро! Будто десять лет жизни срезало разом. Под глазами – мешки, белки – в красных прожилках, с двух сторон рта, судорожно сжатого, скорбные складки-морщины. Лицо бледное – до синевы. Замотал головой из стороны в сторону, тут же сунул ее под ледяную струю воды и зарычал от холода и боли.

Да больно ему было, конечно же! Еще как больно!!!

От красоты Маринкиной соблазнительной и подлой. И от продажной сущности ее.

Как она обрадовалась, как возликовала, предположив, что и он ей изменяет. А как же ей было не радоваться! Он же теперь, получается, тоже запятнал себя, а значит, повода для упреков в ее адрес нет и быть не может.

Дрянь! Видеть ее противно после всего! Кажется, и в самом деле придется разводиться...

Хабаров, нарочно не торопясь, принял душ. Побрился и тщательно зачесал назад волосы. Потом подумал немного и потянулся к верхней полке за одеколоном. Пузырек стоял там нетронутым давно, с самого Нового года. Маринка подарила какой-то совершенно новый запах, модный, разумеется. Он понюхал тогда, поморщился про себя. Ну, не понравился ему этот чрезмерно утонченный модный аромат. И не пользовался им Хабаров после этого ни разу. Что толку душиться, если через час работы насквозь пропитываешься запахом автомобильного масла.

Сегодня же решил изменить своим правилам, раз уж с вечера начал, подарив соседям попугая. Он вышел из ванной и посмотрел в сторону освещенного дверного проема кухни. Маринка там уже гремела сковородками, готовя завтрак, и стерва такая напевала вполголоса.

Влад улизнул в спальню и лихорадочно оделся... во все новое. Так с вечера почин был заложен, следует продолжать. Джинсы тут же непривычно сдавили бока. А высокий воротник тончайшего свитера впился в горло, мешая дышать. И как только мужики ходят во всем этом с утра до ночи, понять невозможно! Для него вот милее привычных брюк и рубашки нет, а на работе у него удобный широченный комбинезон с дюжиной карманов, набитых железками.

Ладно, переживет. Начал удивлять супругу, следует двигаться тем же курсом. Решил же...

Она по-прежнему была не одета. Без стеснения металась по кухне все в той же прозрачной ночной сорочке. А кого ей было стесняться! Венька встанет только через час. Хабаров ее видел и без сорочки. И кажется не он один...

– Привет, милый, – пропела Маринка нежно, стоя спиной к нему и что-то переворачивая на сковородке, потом повернула голову и тут же охнула. – Ничего себе, Хабаров! Ты такой...

– Какой? – буркнул он, стаскивая с холодильника вечерние газеты и усаживаясь с ними за стол.

– Такой импозантный, блин! – Маринка снова склонилась над плитой, в сковороде стреляло масло и что-то аппетитно румянилось. – Ведь всегда говорила, что тебе пойдет, а ты упрямялся. Теперь, видимо, кто-то оказался более убедительным, чем я...

– Прекрати! – повысил он голос и тут же загородился от нее газетой.

– Нет, Владик, не прекращу. Мне же приятно осознавать, что мой муж очень красивый мужчина, – игриво произнесла Маринка и снова покосилась на него через плечо. – Очень красивый! Очень молодой! И очень высокий!

А ведь польстила ему эта болтовня, еще как польстила! Неужели таким падким оказался на лесть? Или просто заскучал, закис без женского внимания и нежности? Может, и правда найти себе кого-нибудь? Андрюха давно предлагал. Рассказывал, что работает у них в управлении и живет где-то по соседству. Девчонка, говорил, хорошая, одинокая и такая же правильная, как и он.

Андрюха-то сам такой правильности не разделял, но всегда отзывался уважительно.

– Это нас, убогих, надо жалеть, Владюха! – похохатывал он под пиво. – А не таких, как ты! Мы расплодились, будто тараканы. А вы теперь раритет! Решительности тебе бы хоть немного, цены бы не было...

– Со сметаной будешь или маслом? – пропела жена, ставя перед ним на стол большое блюдо с румяными сырниками.

– Со сметаной, – хотел было отказаться, да не устоял, любил он их очень. – А чего это мы на кухне крутимся, Марин? Тебе же нужно сейчас в ванную часа на полтора. А потом прыг сразу в служебную «Волгу» и на работу. Там срочные неотложные дела, требующие твоего присутствия. А ты тут передо мной... сырники мечешь. Неспроста, а, жена!

Она медленно вытащила из его рук газету. Свернула ее аккуратно. Сложила вдвое, потом вчетверо, потом еще и еще. Складывала до тех пор, пока газета не превратилась в тонкую тугую

трубочку. И как хряснет этой трубочкой ему по морде. Раз, другой, третий. Била и приговаривала:

– Это тебе за то, что любить меня не стал, гад! Это за то, что разводиться со мной собрался! А это за то, что вырядился для какой-то дряни! И моим одеколоном надушился, мерзавец! И еще за то, что завтрака не оценил, получи...

Растерявшийся поначалу, Хабаров через мгновение осатанел.

Вырвал из ее рук газету и на счет раз разорвал, разметав по кухне мелкие клочки. Ухватил Маринку за подбородок, грубо стиснув пальцами нежную гладкую кожу, и произнес, брызжа ей в лицо слюной:

– Еще раз такое позволишь, сука, убью! Только попробуй!!! Убью!!!

И тут же сзади раздалось мягкое покашливание, и Венькин дребезжащий от испуга голос позвал:

– Па-ап! Ма-ам! Вы чего, ссоритесь, что ли?! Вы чего, а?!

Хабаров уронил руку и тут же сгорбился от стыда перед сыном. Никогда за пятнадцать лет не делал он ничего подобного. Никогда! Даже тогда, когда обнаружил на теле жены синяк от чьих-то алчных зубов. Даже тогда сдержался.

– Прости, Вениамин. Все в порядке, – зашепила с объяснениями Марина, потирая покрасневший подбородок и пытаясь улыбнуться сыну. – А ты чего так рано поднялся?

– Ничего! – проворчал тот, удаляясь. – В туалет встал... А чё это Кешка молчит, а, пап?

И остановился у открытой двери в туалет и уставился ему в спину испуганными округлившимися глазами.

– Я это, Вень... – вот сейчас Хабаров ненавидел уже себя; ладно Маринка – она сука, с ней все понятно, сын-то чем виноват. – Подарил я его!

– Подарил?! – ахнули в один голос жена и сын. – Кому?!

– Да девочке тут одной. Василиске... Очень ей хотелось птичку, я и подарил. А ты против? – он обернулся и посмотрел на Вениамина глазами больной брошенной собаки, мысленно вымаливая у того прощения за все вселенское зло.

– Я? Да нет, – неожиданно спокойно отреагировал его ребенок. – Мне по большому счету по барабану, па. Он мне спать мешал по утрам. Я давно хотел его, если честно, кому-нибудь сплавить. Но все не решался.

– Почему? – Хабаров тепло улыбнулся, сын был очень похож на него, и так же, как и он, был не по-современному честен.

– Как почему? – искренне изумился Венька. – Скажете, просил, просил, а теперь отказываешься!

– Ладно, ступай в туалет, а потом иди досыпай, – ледяным голосом приказала сыну Маринка, дождалась, пока Венька скроется в своей комнате, и зашипела гневно Хабарову в лицо. – Ты что же, сволочь такая, себе позволяешь?! Уже из дома имущество стал таскать сучкам своим. Василиске он подарил, как же! Поверила я!

– А мне и не надо, Марин. Не надо, чтобы ты верила, – вдруг сделал Влад открытие и для себя тоже, отодвинул подальше блюдо с нетронутыми сырниками и поднялся из-за стола. – Всего тебе, дорогая! Пошел я...

– Куда?! Куда пошел?! – подскочила та с места и ринулась ему наперерез, встала в дверях кухни, расставила руки, загораживая ему проход. – Куда ты уходишь, Хабаров?! К ней, скажи?! К ней?!

Поразительно, как менялись приоритеты в его жизни за крохотное морозное февральское утро! Она уже готова ревновать, валяться у него в ногах, унижаться. А он, еще месяц назад лелеявший подобное в своих мечтах, теперь вдруг оказался совершенно равнодушным. И к ревности ее, и к разбуженной ревностью чувственности.

– Да, к ней, – впервые, наверное, в своей жизни соврал Хабаров. – Я же сказал тебе, что развожусь с тобой!

– Нет!!! – произнесла одними губами Маринка и побледнела, соревнуясь белизной лица со своей сорочкой. – Я не дам тебе развода! Не мечтай!

– Сейчас это уже не имеет значения, Марин. Нас с тобой разведут, без обоюдного на то согласия. – Это его уже Андрюха проконсультировал пару недель назад. – Поздно, извини...

– Ничего не поздно! Все можно вернуть назад, Влад! Мы же... Мы же пятнадцать лет вместе!

– Ну и что? И все эти пятнадцать лет я слышал, что не оправдал, что не состоялся и так далее. Я устал. Извини, поздно. Поздно уже, мне пора на работу. Сегодня мне нужно пораньше.

Хабаров очень осторожно, чтобы не сделать ей больнее, чем уже сделал, убрал ее руки с притолоки. Потеснил чуть в сторону и протиснулся с кухни, направляясь в прихожую. Маринка, он слышал, плелась за ним следом.

Пришла, села, подобрала ноги под себя на маленьком диванчике в углу, и уставилась на него жалко и умоляюще.

– Владик, милый, посмотри на меня, – попросила жена, когда он по привычке опускал уши на своей шапке. – Ты ведь злишь меня, так? Просто решил позлить, чтобы я ревновала, так? Ты столько времени ревновал, теперь решил... Господи! Что я говорю?! Что такое я говорю?! Ты не можешь так поступить со мной, с нами...

– Почему? – он и в самом деле не понимал, почему он не может развестись со своей женой, которая последние четыре года только и делала, что наставляла ему рога. – Веньку я бросать не собираюсь. Я его люблю!

– А меня? Меня любишь?! – Маринка непритворно всхлипнула. – Или ты ее теперь любишь?! Ответь мне!

– Не кричи, пожалуйста.

Хабаров задумался ненадолго.

А, и правда, любит он ее или нет? Ревновал – что да, то да. Бесился от собственного бессилия – это тоже было. Скучал, когда отсутствовала подолгу. А вот любил ли?

– Владик, милый! Ты... ты что же не любишь меня больше?! – по красивому лицу жены прошла болезненная судорога. Так, как если бы у нее болели все зубы разом. – Не любишь, ответь?!

– Наверное, нет, Марин, – ответил он снова честно, застегнул до самого подбородка пуговицы на старой дубленке и взялся за ручку двери. – Кажется, все уже прошло. И как-то так получается, что меня это вполне устраивает.

И Хабаров ушел.

Глава 2

Сима Садиков ненавидел неудачников. Он их просто чуял всем своим нутром уже за версту. Буквально видел, как исходит сизой слизистой неуверенностью их невезучее самосознание, как дребезжит у них в мозгах от неумения предотвратить, переделать, предпринять. А как чуял все это дело Сима, так тут же отрешивался отговорками и никогда, никогда уже более с ними не пересекался. Ни по службе, ни в быту, ни просто на дороге. Стоило узреть ему этого самого неудачника еще издали, так он тут же торопливо перебежал на другую сторону улицы.

Столкнешься с таким лихом, удачи самому не видеть. Это он так считал последние десять лет, и этот жизненный расчет его еще ни разу в жизни не подвел. Вот как только перестал иметь дело со всякими неудачниками, так сразу у него и поперло.

Удача галопом неслась впереди Садикова, услужливо раскрывая ему двери самых разных сфер на самых разных уровнях жизни. Он еле-еле за ней поспевал, сбиваясь порой с привычного вальяжного шага на спортивную ходьбу. Но не роптал, нет, даже когда мучила одышка, и закрадывались шальные мысли о том, что, а может быть, все – хватит, пора остановиться...

Нет, останавливаться он не собирался. Он собирался и дальше продолжать работать в том же темпе, не забывая благословлять собственное прозрение. Ведь если бы не оно, так и работал бы он в своей занюханной фотомастерской и жил с вялой анемичной Ниной, разродившейся двойней в день его двадцатипятилетия.

Как же он был несчастлив до того самого момента, как его озарило, как же несчастлив...

Каждое утро он просыпался от жуткого ноющего во всем теле ощущения, что жизнь веселая, счастливая, полная красок и света, проносится мимо него. Он косил глаза вбок и наткнулся взглядом на размытый профиль своей некрасивой жены. Ее круглое, крупное лицо матово светилось в утреннем полумраке спальни, огромный живот дыбился из-под одеяла, вспухшие к концу беременности пальцы, вяло шевелились в полусне, напоминая щупальца.

Сима ее ненавидел. Ненавидел за некрасивость, неудачливость, неопрятность. И еще ненавидел за эту вот ее незапланированную беременность. Он же не хотел иметь детей, не хотел! А она заявила ему однажды, что беременна. Он в скандал, она в слезы. Он с упреками, а она – я не знала, я все делала, как надо. Теперь вот у них должна была случиться двойня. Мальчишки!..

Садиков осторожно выбирался из-под одеяла, осторожно шел на общую кухню в коммунальной квартире и жадно хватал там из-под чужих крышек, что осталось не съеденным и неубранным с вечера. У Нины-то никогда не было что жрать. Ничего, кроме пустых макарон и картошки в мундирах. И куда только ухитрялась деньги девать, корова!..

Потом он наскоро умывался в обитой ведрами чугунной раковине и спешил на работу в фотомастерскую. Только там Садиков немного отдыхал душой и способен был на короткое время забыться. Фотокамера – вот что он по-настоящему любил.

Когда Сима Садиков начинал работать, то время замирало, в изумлении наблюдая за творцом. Он и в самом деле творил. Слава о его таланте ходила далеко за пределами их района. И его часто приглашали на свадьбы, юбилеи и похороны. Приглашали, неплохо платили, но и только. Заплатив, сразу забывали о его существовании. Могли, правда, порекомендовать своим знакомым, те, в свою очередь, своим...

Калым был, жизнь не менялась. И Сима Садиков, хотя и с деньгами, по-прежнему возвращался в свою старую коммуналку к своей некрасивой беременной жене. И по-прежнему каждое утро просыпался с отвратительным ощущением того, что день грядущий похож на предыдущий так же, как его не рожденные близнецы в утробе его жены.

И вот однажды...

Он до сих пор без волнения не может вспоминать тот самый день, круто перевернувший всю его жизнь. Без волнения и трепета в сердце вспоминать не может.

Началось все с женщины. Ох, не дураки французы, советующие искать женщину, не дураки. Все и в самом деле в его жизни началось с женщины, с прекрасной незнакомкой. Только он не искал ее никогда и даже не делал попыток. Она сама нашла его. Это было...

Это было таким же морозным февральским днем, как и сегодня. Таким же пасмурным и снежным. Он копался в фотолаборатории, когда звякнул входной колокольчик, оповещающий о том, что в помещении посетитель.

– Эй, я сейчас! – крикнул тогда Сима, не высовываясь из лаборатории. – Подождите немного!

После того, как он все попрятал, закрепил и не засветил, Садиков выбрался из своей каморки, плотно закрыл дверь, занавесил черной шторкой. Вошел в большую комнату, где у него имелся немудреный студийный реквизит, и остолбенел прямо у порога.

Посреди его студии на расшатанном стуле сидела самая прекрасная из всех виденных им прежде женщин. Длинные ноги в сапогах-ботфортах, короткая кожаная юбка, куртка-косуха, кожаная кепка козырьком вбок и длинные шикарные волосы по плечам и спине. Это был типаж!!! О таком снимке он мечтал всю свою жизнь.

– Сидите так, не двигайтесь! – приказал он ей изменившимся, не похожим на его собственный голосом. – Я сейчас!

Схватил свой любимый фотоаппарат, не цифровой – нет, откуда такому было взяться при его образе жизни. И принялся выплясывать вокруг неожиданной гостьи, без усталости щелкая и приговаривая:

– Я вам сделаю такой портрет, что смело сможете размещать его на обложке какого-нибудь журнала! Вот увидите!..

Дама безропотно подчинялась его просьбам, не произнося ни слова. Она склоняла голову то вперед, то к плечу, то запрокидывала назад. Ногами ее Садиков тоже манипулировал, грех было их не использовать – такие ноги! Носик у дамы, правда, был несколько великоват, но он знал, как сделать так, чтобы тот таковым не казался.

Вдоволь напрыгавшись, Садиков вытер пот со лба и порекомендовал даме немного прогуляться.

– Зайдете часа через два, все будет готово...

Сказал, сделал. Когда гостья увидела свои портреты, а их было штук двадцать, она просто остолбенела от изумления.

– Да вы!.. Вы настоящий профи, голубчик!!! – выдохнула она восхищенно. – В такой-то дыре!!! Зашла от скуки, представляете! У мужа лопнуло колесо на трассе, запаска уже была худая, пришлось заезжать в местный шинмонтаж. И вот пока он там, я решила прогуляться по вашему городу... Зашла случайно, кто бы мог подумать...

Сима обливался потом и дрожал от творческого возбуждения. Портреты стали его шедевром. Своеобразной чертой, подводившей итог всей его прошлой деятельности. Всей его прошлой серой, непромытой жизни с некрасивой брехатой женой.

– Мне делали портреты в знаменитой студии в Париже, – она произнесла название, по-французски гундосо. – Но и там не было такого успеха! Муж будет в восторге! В таком захолустье, на такой аппаратуре... Вы мастер, голубчик! Знаете что, а давайте-ка я вас заберу с собой, а?! Готовы прямо сейчас, в чем есть и с чем есть уехать со мной?! Вас ведь тут ничто не задерживает, я же вижу! Или я ошибаюсь?

– Нет, – едва не теряя сознания от потрясения, выдавил Садиков. – Ничего не держит, кроме зарплаты, разве что. За январь еще не получена, и вещи...

– К черту! – гостья очень красиво расхохоталась, запрокинув голову. Потом достала кошелек, порылась в нем и, вытащив оттуда пять сотенных зеленых бумажек, спросила. – Этого хватит, чтобы компенсировать вам вашу потерю?

– Вполне! – Садиков осторожно взял из ее рук деньги. – А аппаратуру можно взять? Тут кое-что мое.

– Не нужно ничего, голубчик! Через месяц у тебя будет самая солидная студия из всех, что я знаю. Станешь на меня работать, а? Я везучая, поверь! На кого ставлю, тому всегда везет!..

И Садиков Серафим уехал с этой женщиной и ее толстым хмурым мужем, воспринявшим поначалу спонтанное увлечение своей жены, как очередную забаву. Уехал и никогда потом об этом не пожалел.

У него появилась студия, которую он через пять лет имел уже на паях со своей хозяйкой. Появились деньги. Хорошие деньги, даже очень хорошие. Появилась отличная квартира в самом центре. И самое главное – у него появилось везение.

Это было настоящим чудом, это было настоящим прорывом, это было мечтой, что могла не сбыться, а сбылась.

И так продолжалось уже десять лет.

Он стал везунчиком, вот! И везунчиком стал потому, что терся возле везучих. И по понятным причинам ненавидел и сторонился неудачников.

Мог ли он, при таком своем философском раскладе, хоть раз за эти десять лет вспомнить о своей оставленной жене и близнецах, что родились в один день с ним, как доходили слухи?! Нет, конечно! Это все – его жуткое, несостоявшееся прошлое. Туда – назад – ему дороги нет и быть не может! Ведь стоит ему увидеться с ними, так сразу все исчезнет, растворится под натиском серой массы неудач и неурядиц. Все, что он наживал, копил, берег и пестовал все эти годы...

Где-то далеко, в глубине его огромной квартиры, в холле, кажется, осторожно пискнул телефон. Пискнул пробно пару раз и заверещал потом уже без остановки.

Садиков недовольно по-барски поморщился. И чего не взял с вечера трубку с собой в кровать? Теперь вот нужно вставать, тащиться через все комнаты и искать по звуку, где же эта чертова трубка валяется...

Он медленно свесил ноги с огромной кровати, с осторожностью поднял крупное рыхлое тело и пошел, как был голым, на звук.

А почему нет? Почему ему не быть голым? Он у себя дома. У него тепло, невзирая на перебои с отоплением в их микрорайоне. У него все полы с подо-гревом и даже стены в ванной. Ну, любил он тепло, успев намерзнуться в стьюлой коммуналке.

Сима недовольно поморщился, что-то за последнюю неделю он непозволительно часто вспоминает о той берлоге, что оставил десять лет назад. Нельзя так! Не к добру все это! К неудаче...

Он же везучий, баловень судьбы. Вон у него какие теперь апартаменты! А какие перспективы... Увидела бы все это жирная клуша Нинка, оползла бы от зависти.

Опять он про нее, что ты будешь делать!..

Теплые полы, натяжные потолки, белая кожаная мебель, пушистые ковры, в которых нога утопает по щиколотку. Двухметровый холодильник, в котором столько продуктов, что они порой падают с полок на пол. Ему теперь нет нужды заглядывать под крышки чужих сковородок в надежде отыскать там не обглоданную куриную ножку или половинку не съеденной кем-то котлеты. У него теперь все есть, он теперь везучий...

Садиков, совершенно не торопясь, отыскал телефонную трубку в кухне за цветочным горшком. И подивился еще, с чего это он ее тут вчера оставил? Наверное, все дело было в той длинноногой модели, что звонила ему весь вечер и напрашивалась в гости. Она напрашивалась,

а он мягко уходил от внятного ответа. Потом утомился, сослался на занятость и в раздражении, видимо, задвинул трубку за цветочный горшок.

Не объяснять же девчонке, почему он никогда не водит к себе домой женщин. Порог его шикарного дома переступала только одна женщина – та самая, что в корне изменила его жизнь, сделала удачливым и счастливым. Не часто, нет, но переступала. А что касается этой модельки, то ее он не приведет еще и потому, что от девчонки за версту несло неудачливостью. Чур его, чур!!!

– Симуля, привет, – мягко мурлыкнула ему в самое ухо его удача, его талисман, его любовь, наверное. Хотя он и не был абсолютно уверен, что любит ее. – Как твои дела?

– Отлично, Гал! Просто отлично! – ей он никогда не врал насчет своих дел, знал, какого ответа она ждет, какому порадует. – Ты как?

– Так же, – она довольно рассмеялась. – Мы же с тобой вместе, разве может быть иначе? Мы с тобой команда, Симуля, и нам что?..

– Нам везет! – закончил он ее лирическое вступление. – Заедешь? Давно не виделись!

Виделись недавно, на прошлой неделе. Чаще не стоило, могли надоесть друг другу, а то и еще чего хуже – сглазить. В это они свято верили оба, так же свято берегли, плевались через левое плечо и стучали по деревяшке, если что.

– Нет, сегодня не могу. Вынашиваю одну мыслишку, Сим... Если выгорит, мы с тобой через месяц умчим в теплые страны неделки на три.

– А что там, в теплых странах? – игриво поинтересовался Садиков, недовольно морщась, оставляя свой дом без себя, любимого, он не хотел.

– Там много загорелых задниц и столько же загорелых титек. Там мы с тобой станем делать деньги, но не ту мелочь, что здесь. Там к нам поплывет настоящее крутое бабло, Симуля. Тьфу-тьфу-тьфу... А ты трахнул вчерашнюю с челкой? – в голосе Галины появилась настороженность.

– Упаси господь! – Садиков даже перекрестился, хотя не носил креста и в бога не верил. – От нее за версту прет, сама знаешь, чем!

– Вот и я о том же. Ладно, ты сегодня спишь? – О его привычке: раз в неделю отсыпаться и блуждать целый день по дому голышом, она знала.

– Ага. Сегодня я – мой.

– Ладно, пока. Спи. Как выгорит, так позвоню. Брехать на ветер не стану. Пока!..

Его дама отключилась, а Садиков, почесав толстое волосатое брюхо, пошел в ванную.

Час, а то и полтора он будет нежиться в горячей ароматной воде. Зажжет две дюжины свечей по периметру всей ванны. Полежит, помечтает о чем–нибудь удивительном. Потом жарит целую курицу на гриле и съест ее без какого-нибудь дурацкого гарнира, полагающегося к блюду разве что из экономических соображений. Телик посмотрит. Может, диск поставит. А на вечер... Нет, на вечер он, пожалуй, запланирует секс. Не то, чтобы ему этого так уж хотелось. Но форму терять нельзя. Галка этого не простит. Она любительница порнографических забав. И чтобы быть в тонусе, он себе иногда позволял расслабиться с модельками, бросающимися в его кровать почти что хором. На такой случай в его студии и кровать имелась, и еще кое-что...

Тс-сс, об этом надо было думать тихо, чтобы не будить лихо, пока оно тихо. Об этом даже Галка не знала. И никто, кроме него, не знал. Этим он заправлял в одиночестве, и надеялся, соскочив со временем с Галкиного покровительства, прилично нажить. Но об этом он никому не говорил, тоже боялся сглазить.

Сима Садиков заканчивал с зажаренным куриным крылышком, когда в его дверь позвонили.

Напрягся он молниеносно. Замер, выпрямив спину. Вытаращил глаза от изумления, граничащего со страхом, и спросил самого себя. А разве он кого-нибудь ждет? Нет, он никого не ждет. И он – что? Правильно, он никому открывать не станет.

Он снова заметно расслабился, опустил распрямившиеся, было, плечи, и опять вонзил крепкие зубы в куриное мясо.

Не тут-то было, твою мать! Какая-то сволочь, совершенно не имеющая представления о том, что у него сегодня день закрытых дверей, продолжала названивать. Так ладно бы названивать, с этим бы его крепкие, будто стальные канаты, нервы справились в легкую. Какая-то дрянь принялась бить ногами в его дверь.

В его новенькую, месяц как установленную, дверь и ногами?! С этим Садиков мириться уже не мог. Быстро накинул на голое тело махровый халат толщиной с хороший ватник, сделал на голове тюрбан из полотенца и решительно направился к входной двери.

В глазке маячила макушка красной спортивной шапочки и два несчастных карих глаза местной общественницы. Она его уже достала, эта дрянь! Сейчас он ей устроит! Будет знать, как устраивать порчу чужой личной собственности. Ногами удумала колотить, скотина. По его – отполированному хрому – металлу, и ногами!..

Сейчас он с ней разберется.

– Ты чего устраиваешь, психопатка! – заорал на нее сразу Садиков, едва приоткрыл свою дверь. – Тебе кто дал право колотить своими косолапыми ножищами в мою дверь?!

– Подпишитесь под воззванием! – вместо ответа сумасшедшая девица сунула ему в нос планшет, исполосованный неровными подписями жильцов близлежащих домов. – Подпишитесь, и я уйду!

– Не стану я ничего подписывать! С какой стати?! – возмутился Сима, налегая на дверь всей грудью, девица перла напролом, намереваясь попасть в его квартиру. – Уходи немедленно, бессовестная!!!

– Я-то, как раз, с совестью! – ее нога в замшевом ботинке протиснулась в дверь и прочно там зафиксировалась. – Это у вас совести нет. И позиции гражданской тоже! Буквально на ваших глазах, под вашими окнами разворачивается полный беспредел! А вам все по барабану, как сейчас говорят. Разве можно так?!

Ни о каком беспределе Садиков и слыхом не слыхивал. И вмешиваться ни во что такое не собирался. Ему было, как она правильно выразилась, по барабану. Подобные порывы гражданственности были им глубоко презираемы. И он не верил никогда в их искренность, если честно. Всегда считал всех борцов за права, свободы и равенства лжецами. Кто-то со всей этой хрени все равно пенку снимает и, под ровный гул возмущенной толпы, тихонечко наживается.

Та, что пришла к нему, была не из тех, кто собирает сливки. Она являлась частью глупой, фанатично вопящей толпы. Потому презираема была вдвойне.

И еще существовала одна причина, по которой он не мог впустить ее к себе в квартиру.

От этой девки несло... Нет, неправильно, не несло – просто воняло неудачливостью. Да, да, ошибиться он не мог. Она была неудачницей, каких редко сыщешь.

Он ее видел раньше. Где-то она жила тут неподалеку. И частенько призывала общественность то к выходу на субботник, то к обустройству детской площадки, то выражала яростный протест против строительства автомобильной стоянки возле детских качелей. Будто качели перенести в другой угол двора труд великий! Куда уж, казалось бы, проще перетащить качели, чем перепланировать уже утвержденный городской администрацией проект?!

Нет, она так не считала. Она продолжала орать и носиться по домам их микрорайона, собирая подписи под воззваниями. Теперь вот приперлась и к нему.

– Я войду все равно! – девица нагло втиснула ногу уже по самое колено и еще сильнее налегла на дверь. – Вы подпишитесь! Все равно подпишитесь! Вы не можете остаться равнодушным к тому, что в нашем дворе собираются выкорчевывать столетние липы и на их месте устраивать гаражный кооператив! Этого допустить никак нельзя! Представляете, что это такое?! Два ряда деревьев исчезнут, уступив место строительству! Вы же сами начнете спотыкаться и лазить по колено в грязи! А потом у вас вид из окна делается отвратительным. Пред-

ставяете, что будет?! Разве вам недостаточно того, что наш двор граничит с этими ужасными ангарами?! Так летом все это листва скрывает, а теперь и ее не станет. И вы день за днем, год за годом будете смотреть в окно и наткаться взглядом на жуткие бетонные стены этих ангаров и гаражей?! Побойтесь бога, гражданин Садиков! Это не по-человечески!

Резон в ее словах имелся, и немалый. Это даже такой равнодушный к чужим проблемам человек, как он, понимал.

Липы являлись великолепным украшением их двора, да и с точки зрения экологии. К тому же вид из окна ему нравился. Два длинных ряда высоких деревьев с весны по глубокую осень прочно укрывали от его хрупкого художественного взгляда всю грубую чудовищность ангарных построек, принадлежащих то ли какому-то дорстрою, то ли какому-то институту, то ли еще неизвестно кому.

Даже когда этот микрорайон застраивался, липы удалось уберечь. Их обнесли прочным забором и охраняли едва ли не отдельно.

А теперь что же? Помешали кому-то? Или... Или просто кто-то кому-то щедро заплатил за то, чтобы построить здесь гаражи?

Гаражей Садиков под окнами не хотел. С утра до ночи начнут с лязганьем хлопать металлические ворота, въезжать и выезжать машины, по ночам будут лаять собаки сторожей. Так это еще полбеда, а сама беда заключалась в строительстве, которое может затянуться на годы. А это, как девица справедливо заметила: грязь, мусор всякий строительный, дискомфорт, одним словом.

Нужное, наверное, дело все эти общественники затеяли с подписями возмущения, согласен он, согласен. Но...

Ну, не мог он впустить в свой дом такую неудачницу!

Не мог, хоть убейте его, своими руками сломать то, что десять лет добросовестно строил.

Не мог он позволить переступить ей порог своего дома, это было своего рода табу! Ему и Галка потом этого не простит, он же тем самым наплюет и на ее удачу тоже. Пускай кто-то сочтет их помешанными, кто-то просто чудаками и посмеется даже, но это их личное. Они в это верили, и это их никогда не подводило. А тут эта дрянь в красной вязаной шапочке с горящими глазами и напористостью быка.

– Убирайся, ничего я подписывать не стану! – заорал Садиков ей прямо в ухо, дрянь просунула уже и голову по самые плечи. – Убирайся!

– Черта с два!!! – громко пыхтела девица, продолжая рваться в его дом. – Черта с два я уйду! Мне еще три десятка подписей нужно собрать, ваша в их числе! Иначе... Иначе у меня ничего не получится!!!

Голые ступни у Садикова скользили по гладким мраморным плитам, ладони запотели и тоже принялись ерзать по безупречной поверхности хромированной двери, не в силах ее больше удерживать. Еще немного... Еще чуть-чуть, и он точно уступит... И тогда, все! Всю его удачу сожрет это кареглазое чудовище, ворвавшись в его дом. И он снова станет Симкой-фотографом, потеющим от отвращения и страха над покойниками. И снова будет хмурыми утрами созерцать профиль жирной Нинки. Она теперь, наверное, еще жирнее стала. И дети у нее наверняка такие же мордастые и некрасивые, как и она.

Господи, помоги! Помоги избавиться от наваждения!!!

Девица все же ворвалась. Одним рывком отшвырнула его от двери, влетела в холл и тут же заперла за собой дверь, толкнув ее ногой. Дрянь! Такой материал дорогой и ботинком!..

– Все! Мы на месте! Спасибо! – с трудом произнесла она, выравнявая дыхание. – Подпишитесь!

На Садикова напал столбняк. Он вертел по сторонам головой и, казалось, слышал усиливающийся шум обваливающегося перекрытия в своей квартире.

Сейчас все рухнет ему на голову, все! Начнется со штукатурки, стен, закончится удачей и самой жизнью.

Гадкая серая проза жизни в образе высокой дылды в спортивных замшевых ботинках, вечных джинсах и вязаной шапке ворвалась в его Эдем. Что ему теперь делать?! Что?! Покончить жизнь самоубийством или покончить с этой девкой?!

Уф, его даже пот холодный прошиб от страшных запретных мыслей.

Надо же додуматься до такого! Не иначе уже начинает эта зараза действовать. Надо скорее от нее избавляться. Как можно скорее...

– Давай быстро сюда! – Садиков с отвращением протянул руку. – Подпишусь и проваливай, дура истеричная!

– Ага, щас, спасибо! – она жалко улыбнулась, засустилась, перелистывая списки. – Воды... Можно мне воды, а?!

Боже! Начинается! Пить так хочется, что съела бы что-нибудь, а то переночевать негде!..

Умом он понимал, что, раз уж ей удалось ворваться, то напиться она сможет и без его участия. Допустить, чтобы эта истеричка шарила по его шкафам, в поисках чистых чашек, он уж точно не мог.

– Задолбала! – прошипел он злобно и пошел на кухню.

Там достал самую старую из имеющихся у него чашку, из нее он иногда давал пить проходящим в дом рабочим. Пустил струю воды и быстро налил. Повернулся, чтобы идти к ней в холл, и в который раз остолбенел.

Сатана в образе кареглазой девки была уже на его кухне! Стояла у окна и что-то там рассматривала. Так мало этого, она трогала его штору, отодвигала ее и даже ботинки с ног не сняла. Быдло! Серое, невезучее быдло!..

– Что тебе здесь надо?! – сорвался на визг Садиков, отталкивая ее от окна. – Убирайся назад в холл!

Девка глянула на него грустно, взяла со вздохом из его рук чашку и залпом опорожнила ее. Потом ухватила Садикова за рукав халата и поволокла к окну.

– Видите! Видите, как сейчас у нас хорошо во дворе! А что будет потом?! Потом, когда спилят липы?! Ладно, я сейчас найду ваше имя в списке, подпишитесь, и я ухожу.

Девка подошла к его обеденному столу – все успела запятнать в его доме, все буквально пометила – и склонилась над своими бумагами.

А Садиков оторопело глядел в окно, не в силах оторваться.

Что... Что за черт?! Что там происходит, черт побери все на свете?!

И пока его воспалившиеся от неурочного визита грубой неудачницы мозги слабо ворочались, руки сами собой потянулись к фотоаппарату.

Это у Симы Садикова был такой профессиональный рефлекс. Пока мозги зажигались, руки сами собой щелкали затвором фотоаппарата. Да, он еще вчера вечером из этого самого окна фотографировал стаю птиц, подавшуюся в неведомые дали или, наоборот, возвращающуюся оттуда. И сунул его потом рядом с телефонной трубкой за цветочный горшок. А теперь... Теперь он держал его в руках и щелкал, щелкал, щелкал.

– Что там? – вдруг проявила бдительность кареглазая стерва и даже оторвала свой тощий зад от стула.

– Сиди! – рявкнул на нее Садиков так, что девица приросла к месту. – Дернешься, выкину из дома через минуту! И не будет тебе никаких подписей... Так, так, еще разок... Ага! Умница... Головку, головку подними, голуба... Молодец! Все, поехали...

Машина уехала, а у Симы Садикова вдруг затряслись руки.

Удача или нет то, что он только что сотворил?! Как понять, как расценить? Если учесть, что все это произошло в присутствии этой лихоимки, то везением тут и не пахнет. Но...

Но может он на ее счет ошибается? Может, впервые ошибается, а? Ведь то, что удалось ему заснять на пленку только что, может стать взрывом, бешеным прорывом это может стать, вот. И он, наконец-то, освободится от Галкиного гнета.

Не то, чтобы его это тяготило, но клетка она клеткой и останется, даже если будет из чистого золота. Десять лет – это срок даже для него...

– Вот здесь подпишитесь, пожалуйста, – промямлила девица, глядя на него внимательно и строго. – Вам нехорошо?

Нехорошо ли ему? Он и сам не знал. Беспokoйно как-то. Непривычно беспокойно и ненадежно. А будет ли ему с этого хорошо, либо плохо, время покажет.

Нет, с Галкой все же придется советоваться. Без нее ему не справиться пока. У той чутье от бога, она сразу решит, как можно использовать то, что теперь у него в руках.

Он выдернул из рук нахалки заполненный наполовину лист. Нашел в графе свои данные и размашисто расписался.

– Все, ступайте, – приказал он ей тоном, не терпящим возражений.

– Ага... – кивнула она, соглашаясь, и принялась сгребать со стола бумаги в кучу. – Спасибо вам, не думала, что вы согласитесь.

– Соглашусь на что? – спросил Садиков по инерции, двигаясь следом за ней к входной двери.

– Подписать согласитесь, – девица остановилась внезапно и с лукавинкой в карих глазах подмигнула ему. – Даже ставки делались, смогу ли я взять у вас подпись или нет!

– Да ну! – Садиков вытаращился на нее в изумлении.

Надо же, он и впрямь ошибся в этой девице. Она, оказывается, тоже из везучих, значит... Значит, то, чем он теперь владеет, – очередной виток удачи! Вау, класс!!!

– И сколько же вам удастся теперь сорвать, дорогая? – Сима расслабился настолько, что позволил себе улыбнуться.

– Сотню баксов, представляете! Сроду не везло никогда, а теперь вдруг... Вы теперь мой талисман, гражданин Садиков!

И ушла, непотребно сильно хлопнув его новенькой дверью, стерва этакая.

Да и ладно. Ушла и ушла. Ему есть теперь чему посвятить остаток дня. Никаких праздных штаний по дому нагишом. Срочно в штаны, и в студию. Требуется немедленно все проявить и распечатать. Неужели правда... Неужели и правда он только что стал свидетелем убийства?..

Глава 3

Олеся выбежала из подъезда, дождалась, пока за спиной мягко шелкнет доводчиком тяжелая металлическая дверь, и только тогда рассмеялась.

Ох, уж этот Садиков! Ох, и Садиков! Пришлось ей с ним повозиться, а что было делать?! Ребята и впрямь сто долларов поставили, если она с него подпись стрясет. А ей эти сто долларов были нужны так же, как и подпись этого отвратительного бурдука на бумагах, то есть позарез. Неохваченным оставались еще два подъезда, но это уже не ее юрисдикция. Туда пойдет Стас Неповинных. Ее миссия на Садикове закончилась. Закончилась как с подписями в протест гаражного строительства, так и с ее общественной деятельностью закончилась тоже.

Все! Хватит! Она им так и сказала: больше не могу, завязываю, устала.

Устала видеть необоснованную ненависть в глазах людей. Устала врваться в их тяжелые жизни с нелепыми ненужными просьбами. Устала устилать столы больших людей их города собранными списками. И уходить потом ни с чем устала тоже.

Нет борьбе с ветряными мельницами, решила Олеся, завязав тесемки на папке с бумагами. Теперь она начнет жить по-другому. Займется своей личной жизнью, к примеру. Жизни ведь личной никакой! Это разве норма?! В двадцать семь лет и никаких серьезных отношений! Все спонтанно, случайно, недолговечно.

Спонтанное знакомство, случайный секс, недолговечные отношения. Разве это правильно в двадцать семь-то лет?!

Институт закончила. Родичи расстарались и на ее личный четвертак подарили квартирку. Тут же поспешили обставить, чтобы чадо не заскучало и не пожелало вернуться обратно. Работа опять же у нее имеется приличная. Хотя, может, и не очень приличная – секретарь-референт в одной солидной конторке в паре кварталов отсюда. Почему неприличная? Потому что босс, отвратность такая похотливая, ни разу не упустил возможности ущипнуть ее за задницу или погладить по коленке.

Все вроде бы в шоколаде, а чего-то не хватает. А чего, и сама уловить не могла. Начала было бросаться из крайности в крайность, чтобы ухватить это самое недостающее. Сначала в экстремальный спорт подалась, потом с парашютом принялась прыгать, следом по порожистым рекам спускаться. Все было не то! Все не то!..

Решила попробовать спасти мир. Ходила на демонстрации, митинги, потом вот подписи под воззваниями к народу и их вождям собирала.

И это наскучило. Результата никакого.

Олеся зашла в опорный пункт, что занимала их общественная организация. Сдала бумаги, забрала честно выигранные деньги и побрела домой.

До вечера, как ползком до Пекина, на работу сегодня идти не нужно, отпросилась еще с вечера. Что делать, чему себя посвятить на этот раз? Боже, какая же, в сущности, скука, эта жизнь! Каждый день одно и то же: одни и те же ощущения, одно и то же небо над головой, одни и те же рожи в толпе. Даже если все это попытаться разбавить, хватит ненадолго. Риск он тоже приедается. Она знает, что говорит, пробовала уже.

Может... Может, Дэну позвонить и встретиться вечером у нее дома? А что! Он давно ее хочет, почему не позвонить? Наобещать ему с три короба, а потом осчастливить!..

Нет, скука смертная. Дэна она знает, как облупленного. И заранее знает, что он станет делать, что говорить, как трогать ее будет. И еще ведь, гад такой, тайком от нее, запершись в ее туалете, примется крэк нюхать, чтобы кайф у него был отпадным. Ему отпадным, а ей?! Ей-то как?..

Олеся зачем-то остановилась на остановке и принялась глазеть на объявления. Зачем смотрела и сама не знала. От скуки, наверное. Скука, все было скука. Скучные дни, скучные

люди. Люди, не способные на поступок, на безумство. Она вот недавно фильм один смотрела, эротический триллер, так ей понравился! Не фильм, нет. Сюжет был банальным до тошноты. Ей понравилось, как столкнулись на бегу главные герои: он и она. Стокнулись, и... бац, та самая искра между ними! Искра, которую она все ждет и ждет: того жаркого пламени, которое из этой самой искры возгорится. Пока ведь не было ни черта: ни пламени, ни искры.

Скука... Смертная скука до зевоты. Может, в службу знакомств податься, а? Там, может, найдется парочка ненормальных, вроде нее. Таких же молодых и ненормальных. Ищущих, одним словом.

– Тише ты, разгарцевалась!

Окрик, гневный и грубый почти, прозвучал ей в самое ухо, и следом что-то больно ткнуло ее между лопаток.

Олеся резко развернулась, намереваясь вlepить обидчику, и тут же замерла с открытым ртом. Открыла рот для брани, а выругаться не получилось.

– Что смотришь? – мужчина болезненно морщился, поджимая левую ногу. – Ноги и так подмерзли, а ты еще по ногам, как по бульвару!

– Извини, – выдавила Олеся через силу, выкатать было ни к чему, не тот случай. – Я не нарочно. Объявления читала...

– Понятно, – буркнул тот непримиримо и повернулся к ней спиной.

А Олеся тут же расстроилась. Почему он отвернулся?! Почему? Разве он не почувствовал ничего?

– Послушай, – она подошла к мужчине и тронула его за рукав давно вышедшей из моды дубленки. – Ты не сердись на меня, ладно? Я же не нарочно, правда.

– Отстань.

Мужчина глянул на нее свирепо и снова попытался отвернуться, но ее рука крепко держалась за его рукав. Он же не знал ничего про ее настойчивость. Садиков тот теперь знал, а этот мужчина нет. А ей вдруг очень захотелось, чтобы и он знал о ней тоже. О том, что она Олеся, например. О том, что она занималась экстремальным спортом одно время, а потом бросила. И о том еще, что по наивности своей полагала, будто можно спасти мир, выкрикивая лозунги с баррикад. И о том еще, что... внутри нее, кажется, вдруг что-то вспыхнуло. Вот в тот самый момент, как глянула в его потухшие темные глаза, внутри что-то и вспыхнуло. Может, это была та самая искра?..

– Слушай, чего ты хочешь? – под гладко выбритой обветренной кожей щек заходили желваки. – Тошно мне, поняла! Отстань, будь другом!

– Буду!!! – она улыбнулась ему открыто и непринужденно. – Другом буду, если хочешь!

– А если еще чего захочу, тоже будешь?! – его красивый рот презрительно скривился.

– Буду! Только если ты и в самом деле хочешь этого так же сильно, как я.

Что она говорит?! Что говорит, скучающая идиотка??? Возомнила себя той самой героиней, столкнувшейся с предметом своей страсти у светофора?! И думала, что этот угрюмый мужик сейчас возьмет ее за руку и отведет к себе, как тот киношный герой. И они станут до исступления заниматься любовью и...

– Это не Америка, девочка, – выпалил вдруг он, словно догадался, о чем она сейчас думает. – И это не кино.

– А что это? Проза жизни? Она тебе нужна? Серо все, убого, и день похож на день. Посмотри на себя! – затараторила Олеся, не сводя с него горящих карих глаз.

– Я себя видел, – перебил он ее и осторожно отцепил ее замерзшие пальцы от своего рукава. – И все буквально о себе знаю.

– Что именно?

– Что я тривиален, к примеру. Несовременен. Живу умирающими в сознании россиянами ценностями. И главное, не хочу жить так, как все. А хочу жить так, как сам хочу.

– Я тоже!

Господи, он нравился ей с каждой минутой все сильнее. И та искра, о которой она мечтала, уже заходила, потрескивая, робким ярким пламенем. Неужели?.. Неужели так бывает на самом деле? Так вот, случайно оступившись на остановке, шагнуть прямо в свое будущее! Здорово!!!

– Я тоже не хочу жить, как все! Хочу как-то по-другому, а как, не знаю. Не научишь? Я Олеся, – и она втиснула в его перчатку, плотно сидящую на руке, свою озябшую ладошку. – А ты?

– Я?.. – мужчина недоуменно качнул головой. Подумал мгновение и потом, будто решившись, представился. – Влад... Влад Хабаров... Если тебе это так важно.

– А ты куда сейчас? – Олеся так обрадовалась тому, что он не оттолкнул ее, а назвал себя и продолжил стоять, пропустив подошедший автобус. – Я вот лично без дела шляюсь.

– Что так? Туняйка?

– Нет, что ты! Дела сдала только что по общественно полезной нагрузке, не хочу больше. А на работу мне только завтра.

И она зачем-то начала ему рассказывать и про Садикова, и про свой спор с ребятами, и про то, как шла по улице и тосковала от безделья. Оказывается, безделье – это тоже повод для тоски. И еще рассказала о том, что она шла и мечтала о самой главной в своей жизни встрече. Чтобы было, как в кино: красиво, пылко, сразу и навсегда.

– Я дура, да, Влад?! – она растерянно заморгала, внезапно замолчав.

Что он о ней подумает, господи?! Что из психушки сбежала? Что доступна всем и каждому? Что...

– Я не знаю, кто ты, – проговорил он, отводя глаза и сосредоточенно принимаясь рассматривать противоположную сторону улицы. – Как я могу судить о тебе, если вижу впервые! Чтобы узнать человека...

– Знаю, знаю, нужно с ним пуд соли съесть! – перебила она, выбегая вперед так, чтобы он мог видеть только ее, а не занесенный сугробом бордюр. – Но на все нужно время, Влад! А вдруг его мало?! Вдруг оно возьмет и закончится послезавтра, к примеру? Хочешь знать правду?

Хабаров смотрел на девушку и не мог понять, какие чувства та будит в его душе. Бестолковая, взбалмошная, но совсем не казавшаяся распущенной. И глаза... Глаза очень открытые и чистые, не то, что у его Маринки. У той глаза хитрой распутной шлюхи. И были такими всегда, он просто по молодости и влюбленности своей не рассмотрел. А эта... Эта кажется увлекающейся, да, но не гадкой точно.

– Чего ты хочешь, Олеся? – Хабаров неожиданно для самого себя стянул с руки перчатку и провел тыльной стороной ладони по девчачьей щеке.

Просто захотелось почувствовать своей рукой ее кожу и все, ничего больше.

– Я? – она покраснела от его прикосновения, и оттого еще, что собиралась сейчас сказать. – Я хочу, чтобы ты не ушел сейчас. Не ушел, не исчез вон за тем поворотом. Может, я глупая, не знаю. Может быть... Но не хочется, чтобы ты исчез из моей жизни просто как эпизод. Пускай ты станешь самым главным экстримом в моей жизни, Влад! Я этого так хочу... И еще...

Олеся, застеснявшись, опустила глаза под его взглядом. Неловко стало от мужицкой мудрости, сквозившей на нее оттуда. Он же взрослый был совсем – этот Хабаров. Взрослый и поживший, и наверняка, знающий много чего и еще больше понимающий и про жизнь саму, и про таких вот дурочек, как она. Глаза у него такие темные, умные и очень грустные, будто пеплом посыпанные. Пеплом от потухшего костра. Кажется, где-то она уже про это слышала, про пепел в смысле. Странно так, она вот жаждет, чтобы разгорелось, а у него, кажется, все уже перегорело. Зря она надеется, видно...

– Так что там у тебя еще? – он опустил руку и снова спрятал ее под перчаткой.

– Не думай обо мне плохо, ладно? Ты говорил что-то про ценности, которыми до сих пор живешь. И там наверняка нет места подобным поступкам, что я сейчас совершаю.

– А что ты сейчас совершаешь?

Хабаров по-прежнему не мог понять, что он чувствует к этой девочке. Ничего, скорее всего. Ничего, кроме пустого, бессмысленного любопытства. Хорошо, что без отвращения хотя бы. Думал, что ненавидеть станет все человечество, а женщин в особенности. Вроде про-несло...

– Я клею тебя, Влад! Клею самым примитивным, самым отвратительным образом! – воскликнула Олеся с огорчением. – Представляешь, есть один парень. Дэн... Он бы за одно мое подобное слово не знаю, что сделал бы. А я вот, как дура последняя, клею незнакомого мужика на остановке. Маразм, да?

– Наверное, – характеризовать ее поступок он не собирался.

– Прости меня, Хабаров. Прости... Я очень напористая и очень упрямая... Но мне почему-то шархнуло в голову... Вот когда я обернулась и посмотрела на тебя, мне шархнуло в голову, что ты...

– Что я?

– Что ты – моя судьба, – произнесла Олеся со странным придыханием, будто в любви ему только что объяснилась.

– Ничего себе! – в его глазах впервые с момента знакомства что-то дрогнуло и поплыло. – А ты не торопиться, девочка? Вдруг я окажусь совершенно дурным человеком? Может, я вор. Может, убийца или сексуальный маньяк, к примеру...

– Ага! И тебя разыскивает Интерпол, – фыркнула она недоверчиво, несколько не испугавшись. – У меня на подонков нюх, знаешь! Вот Садиков, у которого я была только что, тот гадкий жутко, хоть и не маньяк.

– Да? И чем же он такой гадкий? – девчонке все же удалось его зацепить, странно, но удалось. Уходить от нее ему вдруг расхотелось. – Приставал к тебе?

– Ага! Щас! Я бы ему пристала! У меня на этот счет пара приемчиков имеется. Это я скорее к нему пристала... Нет, я не об этом. Просто... – Олеся облизала пересохшие губы, надо же, как она волнуется. – Когда я была у него на кухне, ну искала списки там в куче бумаг, воды попила. Он что-то такое увидел в окно. Я перед этим тоже что-то такое видела, но просто внимания не заострила. Так, мелькнуло кое-что...

– Что?

– Не знаю. Точно не могу сказать. Кажется, за ангарами какие-то страсти разгорались. Кто-то метался или дрался. Разве с такого расстояния разглядишь!

– А Садиков этот, что же, разглядел?

Хабаров внезапно насторожился и смотрел на нее теперь без прежней апатии, а очень пристально и внимательно. Или ей это показалось просто?

Олеся помотала головой, пожала плечами, переступила с ноги на ногу и почувствовала вдруг, что сильно замерзла и вымоталась от странного разговора, который сама же и навязала незнакомцу.

– Уж не знаю, что ему удалось рассмотреть. Думаю, не больше, чем мне, но...

– Но?! – нетерпеливо перебил ее Хабаров, подгоняя.

– Но у него там камера лежала на подоконнике вот с таким огромным объективом. – Олеся показала руками окружность величиной с хорошую тарелку. – Он схватил ее с подоконника и давай щелкать! Козлина еще та! Развлекается он так.

– А он кто?

– Он? Точно не знаю, но мне кажется профессиональный фотограф. Ребята говорили мне, что у него где-то даже студия собственная имеется, что ли. Где-то в центре. Слушай, Влад, может, сходим посидим где-нибудь, я замерзла жутко. А хочешь... – Олеся судорожно

сглотнула, боясь произносить, но все равно сказала именно то, что хотела. – А хочешь, ко мне пойдем. Я живу тут неподалеку. У меня чай есть, настоящий из Китая. И еще виски. Пойдем, а, Влад?

– Ты ни о чем потом не пожалеешь, Олеся? – медленно проговорил Хабаров, не отрываясь, глядя в ее глаза.

Странной была все же эта девушка. Андрюха подобных девчонок называл безбашенными. И предпочитал иметь дело именно с такими. Мороки меньше, считал он. Хабарову вот лично нравилась морока. Нравилось ухаживать, узнавать, привыкать. А, оказывается, это не актуально. Сейчас все по-другому. Другие нравы, другие правила, по которым он – Хабаров – играть не привык. Может, стоило попробовать?

Вот возьмет сейчас и согласится. А там будь, что будет. Хотя, быть там по ее настрою могло только одно. Ясно дала понять, на что она рассчитывает – он ее судьба.

Ни хрена же себе, загнула, девочка! Судьба!..

Представление хоть имеет о том, что это такое?! Мчится по жизни с широко распахнутыми глазами, не глядя ни по сторонам, ни под ноги. Ни на чем таком не заморачивается, на нравственности, например. От скуки может с парашютом прыгнуть или мужика незнакомого на остановке склеить. А потом под стакан виски в каком-нибудь ночном клубе либо в баре похвастаться подружкам, что папика трахнула от не фиг делать. Так себе оказался папик, правильный, несовременный...

– Нет, не пожалею, – ответила Олеся, подумав секунд тридцать, не больше. – Я же вижу, ты хороший.

– Идем, – вдруг решился Хабаров. – Идем, только ни о чем меня не спрашивай и не проси потом. Если уйду, не ищи. Договорились?

– Нет, не договорились, но все равно пошли. Нам туда, – качнула Олеся подбородком влево. – Догоняй, Влад Хабаров.

Нет, она все же была очень странной – эта Олеся. Странной, если не сказать больше. Догадалась же, по его хмурому виду, что с ним что-то не то. Что он явно не в себе, расстроен, одним словом, а все равно к себе домой потащила. Не боится же! Вдруг вот он, к примеру, какой-нибудь извращенец или... Ах, да, она же владеет какими-то приемами и его внезапного нападения не боится. Все равно! Так же нельзя! Познакомились и через десять минут уже идут к ней на квартиру. Неужели и в самом деле сейчас так принято?! О, времена! О, нравы!..

Сейчас вот зайдут к ней, запрут дверь за собой и что дальше? Что он со своими представлениями о любви и сексе будет с ней делать? Он же не современен и банален, как кусок черствого черного хлеба, так, кажется, Маринка о нем сказала. И что он со своей банальностью станет делать с такой продвинутой девицей, как эта Олеся? Ох, Андрюху бы на его место, тот бы нашелся мгновенно. Ухитряется ведь, мерзавец, имея третью жену и троих детей, гулять напраполаю. И никогда ни разу ни о чем не пожалеть.

А он – трус несчастный – уже пожалел. Идет вот за ней следом и жалеет, что согласился. Слабак, тряпка, ничтожество... Такими идиотами, как он, вымощена дорога в заповедные края рогоносцев.

Нет, все же зря он пошел за этой Олесей. Если захотелось погулять, чтобы отомстить неверной супруге, соглашался бы с Андрюхой. Обещал же тот познакомить его с порядочной девушкой. Вот и надо было знакомиться. Встречались бы вечерами под фонарным столбом или возле памятника Пушкину на центральной площади их города. Гуляли бы по заснеженному городу. На каток, может быть, сходили бы, на лыжах в лес. В ресторан бы ее сводил, и уже потом можно было бы...

Чушь! Чушь же, Хабаров, собачья чушь!

Стал бы ты гулять часами и мерзнуть ради призрачного удовольствия смотреть в чужие глаза и греть не родные ладони в своих?! Вряд ли. И на каток черта с два с ней пошел бы. Еще

не хватало на Веньку с друзьями там нарваться. Или на знакомых. Объясняйся потом, что за дама с тобой. И почему она именно с тобой. В рестораны ты тоже редко когда ходил, и ходить никогда вообще не любил. Что за блажь платить бешеные деньги за сомнительного качества отбивную, если та же Маринка могла этих самых отбивных несколько дюжин за час нажарить. И с этой тарелочкой, с бутылочкой пивка да перед телевизором, ум-мм, что может быть лучше. Может, и несовременно это, зато приятно и необременительно.

Ушло время романтики, Хабаров! Ушло, признай это. Не до встреч тебе теперь под луной. Не до рассветов, наполненных соловьиными трелями. И ничью улыбку ты теперь ловить не станешь, и трепетом жилки возле ключицы умиляться тоже не будешь. И сердце от звука женского голоса теперь не замрет. Умерло... Все умерло в тебе, Хабаров. И воскрешению не подлежит.

Надо как-то пытаться жить по-другому. Как? Да хотя бы вот так, как эта девчонка. Увидела его и почти сразу победила. И ведет его к себе, зная не зная, и ведать не ведая, что из всего этого может получиться. А скорее и зная не хочет. Ей так удобнее.

Нет, у нее есть чему поучиться, Хабаров. Точно есть. Хотя бы тому легкомыслию, которого в твоих мозгах сроду не водилось.

Они гуськом обогнули угол девятиэтажки, прошли метров двадцать по узкой вытоптанной в высоком сугробе тропинке и остановились возле подъезда с солидной металлической дверью и домофоном.

– Здесь я живу. – горделиво похвасталась она. – Во-он мои окна на шестом этаже.

Он для приличия проследил за ее пальчиком, указывающим куда-то вверх. И кивнул, будто и в самом деле понял, которые, из доброго десятка пластиковых оконных проемов, ее. Потом вошел следом за ней в подъезд и хмуро огляделся.

Ничего себе подъезд, приличный вполне. Чистенько, светло. Жильцы, следуя веяниям моды, даже сделали попытку развести на широких подоконниках какую-то растительность. Та, бедная, льнула к промерзшим насквозь стеклам, обжигалась холодами и скручивала листья в тугие хрустящие трубочки.

– Холодно им, – коротко пояснила Олеся, проследив за его взглядом. – Не учли, что подъезд плохо отапливается.

Хабаров промолчал в ответ, шагнул за ней следом в подошедший лифт и тут же задрал голову к потолку. Смотреть на девушку у него сейчас просто сил не было.

Зря он все же затеял эту канитель со знакомством. Нужно было ехать домой, раз уж собрался и с работы отпросился. Дома собрать свои вещи, оставить этой гадине записку и уехать. Куда? Есть куда, бездомным не будет!

Для начала пожил бы у Андрюхи на даче. Дача, правда, не Андрюхина. Солидный двухэтажный домик с газом, отоплением и светом принадлежал его второй супруге Софье. Та сейчас моталась с очередным бойфрендом по заграницам, а ключи от дачи оставила Анохину.

– Пользуйся, любимый, тебе же нужно, я знаю!

Было ли это актом возмездия третьей Андрюхиной супруге, что увела его от Софьи, или частью нерастраченных надежд на то, что бывший супруг к ней когда-нибудь да вернется, разбираться тот не стал. С благодарностью принял ключи, и с не меньшей благодарностью пользовался приличной хатой для своих многочисленных свиданий.

Сегодня, выслушав утром Хабарова про то, что невоготу стало и все такое, что, может, пора попробовать или не стоит, поздно, может, уже, Анохин лишь молча пожал ему руку. И ни слова не говоря, вложил ему в ладонь связку ключей.

– Пробовать никогда не поздно, – коротко обронил в ответ на Хабаровский вопросительный взгляд. – Пробуй! Живи!

– И сколько я там буду жить?

– Сколько нужно, столько и будешь. Сонька еще не скоро вернется. А коли и вернется, ты ей никак не помешаешь. Она же всегда к тебе теплые чувства питала.

Что правда, то правда. Софья души не чаяла в Хабарове. Обожала его спокойный, уравновешенный взгляд на жизнь. Восторгалась его супружеской верностью и частенько и в глаза и за глаза ругала Маринку за предвзятость.

– Упустишь когда-нибудь мужика, Марьяша, поверь мне, упустишь! – вещала вторая супруга Андриюхи. – Жалеть будешь, потому что пропадешь ты без него на второй же день!..

Металлический короб лифта дернулся и замер. Двери тут же расползлись в разные стороны, открывая Хабарову вид на просторную лестничную площадку с тремя совершенно одинаковыми дверями.

– Моя дверь та, что в центре, – молвила Олеся, протиснувшись бочком мимо него из лифта и зашпешила, роняя то и дело ключи, отпереть свою квартиру. – Входи, Влад. Будь, как дома.

Как дома! Как дома он точно уж не хотел. У него теперь и дома-то нет. Он же решил уйти, а если он что-то решил, то...

Черт его знает, как он поступит в этом случае, в этот злополучный день! Он неправильно начался, и неправильно, судя по всему, завершится.

– Проходи, проходи, ботинки можешь не снимать, на улице же снег.

Ботинки он все же снял. Не привык ходить по дому в обуви. Стащил следом с себя дубленку, шапку. Пристроил все на вычурную рогатую вешалку, торчащую в углу уродливым скелетом. Пригладил волосы перед зеркалом и только тогда обернулся на нее.

Олеся, пока Хабаров неспешно раздевался, заученным движением швырнула на крюк вешалки свою куртку, шапку на полку перед зеркалом, быстро расчесалась и теперь стояла, сцепив ладошки замком, и ждала, когда он на нее посмотрит.

Она знала, что производит впечатление на мужчин. Знала, и иногда бесилась, а чаще уставала от этого. Поймать взгляд собеседника ей удавалось не часто, тот обычно елозил на уровне ее груди, иногда ниже бедер. Олеся забыла о декольте, никогда не позволяла себе коротких юбок, но толку от этого было мало.

– Данил, – хмыкал обычно прозорливый Дэн; он почти всегда звал ее именно так, сокращенно от ее фамилии – Данилец, редко Леськой, никогда полным именем. – Зря ты с этой одежной епитимьей всю эту хрень затеяла. Толку мало, поверь! Мужик, он все равно то, что надо разглядит, а вот ты можешь индивидуальность растратить...

Кажется, она и впрямь что-то утратила, поскольку взгляд Хабарова ниже ее подбородка не опустился. Стоял, осматривал ее лицо и волосы и даже не собирался спустить глаза чуть ниже.

– Чаю хочешь? – спросила Олеся, поскольку молчать дальше показалось ей неприличным.

– Наверное.

Он и сам не знал, чего сейчас хотел. Смыться, наверное, поскорее и из дома ее богатого, и от девчонки этой, по-современному складной и длинноногой.

Разве мог он себе представить на остановке, что под ее мешковатой курткой и широкими штанами скрывается такое добро?! Если бы мог, сбежал бы еще тогда.

Олеся повернулась к нему спиной и побрела на кухню. А Хабаров, пользуясь случаем, тут же впился в нее глазами.

Она была не просто красивой и складной. Она была шикарной женщиной! От крохотных пяток, спрятанных сейчас под ажурными пуховыми носочками, до кудрявой макушки. И какое бы барахло она на себя ни цепляла, все без толку. Девочка была – шик, что надо! Так, кажется, Анохин характеризовал подобный типаж. И Хабаров впервые с ним не мог не согласиться. А раньше ведь спорил до хрипоты...

Кухня была огромной и неухоженной. Горы кастрюль, тарелок, которые помыли, да так и не удосужились убрать по шкафам. Засохшие корки черного хлеба на батарее.

– Это я для птичек сушу, – смущенно пояснила Олеся и тут же принялась, просыпая крошки на пол, сгребать сухари в матерчатый мешочек. – Ты присаживайся, Влад, сейчас будем чай пить, если хочешь. А может, чего покрепче?

– Можно и покрепче. – впервые согласился с ней Хабаров. Присел к столу, отыскав незахламленный какими-то бумагами краешек, и вдруг попросил. – Олесь, а у тебя водка есть?

– Водка? Есть, конечно. Я сейчас...

Осторожно поглядывая в его сторону, она быстро убрала бумаги со стола. Водрузила в центр бутылку «Парламентской» и начала заполнять поверхность тарелками. Крохотные огурчики из заграничной банки. Колбаса, рыба, какие-то немыслимые консервы, отливающие оливковыми боками невиданных Хабаровым морепродуктов, хлеб тоненькими треугольничками. Потом достала из навесного шкафа невысокую рюмку, поставила ее перед ним и, проговорив коротко «вот», тоже присела.

– А ты что же, не будешь? – Влад распечатал бутылку и плеснул себе в рюмку.

– Я? Да нет, не хочется. Ты пей, пожалуйста, не обращай на меня внимания!

Глупость сказала несусветную! Ей же хочется, чтобы обращал! Еще как хочется. Чтобы смотрел на нее, а не мимо. Чтобы разглядывал ее, как другие. Отмечал что-то про себя и восторгался.

Когда прыгала перед ним на остановке, все таким простым казалось, без заморочек и сложностей. Вот придут они, говорить будут все время, может, смеяться над чем-нибудь общим, это непременно их сблизит. А ничего не вышло! Ни разговора не получилось, ни единения душ. И смеяться им, судя по всему, не над чем. Ему так уж точно.

Хабаров рюмка за рюмкой пил водку, почти не закусывая. Пил и не пьянел, мрачнел только все сильнее, хотя, казалось, куда уж мрачнее. На нее не смотрел по-прежнему, пристально разглядывая крохотную точку в столешнице. Когда в бутылке оставалось чуть меньше половины, Хабаров неожиданно спросил:

– Думала, что будет по-другому?

– То есть?.. – Олеся занервничала.

Он откровенно припирал ее к стене своей взрослой прямоотой, она не была готова.

– Думала, придем, и я с порога начну раздевать тебя? Так ведь, детка? – он поднял на нее темные пустые глаза. – Почему все сейчас называют своих женщин детками, не знаешь?

– Не-ет, – ей сделалось не по себе и от вопросов его странных, и от глаз пустых, будто мертвых.

– А я знаю! – он неожиданно коротко хихикнул, пьяно замотав головой. – Потому что так модно сейчас говорить! Детка, малыш... Как дела, детка? Я люблю тебя, малыш! По-современному это, Олеська! Мне вот никогда не понять этой новизны. Не дано, понимаешь! Безлико это как-то – детка! Как кошку на «кис-кис», так и женщину. Куда уж проще, казалось бы, имя переименовать, сделав его мягким, нежным, ласковым. Нет же! Малыш!.. Детка!.. А-аа, я, кажется, догадываюсь, откуда это веяние!

– Откуда же?

То, что он говорил, ее мало заботило. Ее и саму так неоднократно называли. Шеф лично почти никогда по имени, только деткой или по фамилии.

Пугало то, как именно Хабаров это говорил! С каким нажимом, почти с отвращением. Олеся могла поклясться, что слышит, как поскрипывают, сжимаясь, его крепкие белые зубы.

– Это все для того, чтобы имен не перепутать! Точно! А я-то... А я-то всегда задумывался, отчего да почему... Представляешь, у молодого человека за вечер три или четыре девушки! Разве запомнишь, как их всех зовут?! Да никогда! И вот для того, чтобы не путаться в их именах, и было заимствовано из-за океана это имя собственное: Детка!.. Звонит он ей или

она ему на следующее утро. Как дела, детка? Отлично, малыш! Пойди вспомни, после угарного вечера, с кем и как ты был... Я за сегодня у тебя который по счету, детка?!

Он пьян, как скотина! Хабаров понял это, лишь сказав ей гадость.

Или сделал это умышленно? Специально надирался и ждал, когда поплывут мозги, раскрепощаясь? Хотел же!..

Признайся самому себе, Хабаров, хотел ее уязвить. Хотел намеренно сделать ей больно. Чтобы не смотрела на тебя с такой терпимостью и пониманием. Чтобы не была столь красива и бесшабашна. Чтобы не смела так неосмотрительно знакомиться с мужчинами на остановках и приводить их в свой богатый дом.

Наивная или глупая? Глупая или наивная?

Разве можно доверяться чужому человеку?! Родному нельзя, это он теперь точно знает, как никто. А чужому, так тем более!

В хрустальной вазе на рабочем столе денежные купюры достоинством в пятьсот рублей. Сколько точно, он не понял, но что не одна – это точно. На открытой полочке одного из шкафов рассмотрел золотую цепочку, безалаберно брошенную, да пару сережек и колечко.

Да одного взгляда достаточно, чтобы понять: в этом доме есть, что взять. И это, не считая главного приза – хозяйки.

А она его прямо с остановки и прямо домой.

– Нельзя быть такой дурой, Олеся!!! – проговорил он строго, снова замотав головой, стараясь избавиться от хмеля. – Ты очень уязвима сейчас, понимаешь? Я здоровый и сильный, а ты слабая и хрупкая. Да еще и дура вдобавок! Мне же ничего не стоит тебя сейчас...

Она заплакала?!

Хабаров остолбенел от неожиданности. И глянул на нее испуганно, мгновенно просветлевшим взглядом. Точно, заплакала. Тихо, без истерик и всхлипов. Сгорбилась, обняв себя руками, и молча, глядя в окно, плакала.

Слезы крупными горошинами катились по щекам, таким нежным на ощупь, он же знает, пробовал. А она не делала попытки их утереть.

– Господи, что я говорю?! Что вообще я здесь делаю?! – Поставив локти на стол, Влад обхватил голову руками. – Прости меня, Олеся! Прости великодушно! Я уже уйду... Прости!

Он встал и сделал пробный шаг из-за стола. Пол неуверенно покачнулся вместе со стенами. А вместе с ними качнулась и поплыла куда-то в сторону Олеся, сгорбившаяся за накрытым для него столом.

За что, спрашивается, девушку обидел? За то, что обидели его? Она-то тут при чем?..

– Прости меня, пожалуйста! – пробормотал он, старательно выговаривая слова, пошел к выходу, но на полпути остановился возле нее и погладил по плечу, еще раз повторив: – Прости меня, пожалуйста! Я не должен был... Не имел права... Ты здесь совершенно ни при чем.

– А кто?! Кто при чем, Влад?! – она зачем-то ухватила его пальцы и сжала, удерживая.

Зачем остановила? Зачем?! Пускай уходит! Пускай ищет свою правду в своем придуманном незаплеванном мире, за высоченным забором из нравственности и ханжества.

Презирает ее? Пускай презирает! Ей плевать... Почти плевать!

Он уйдет, а она позвонит Дэну. И проведет с ним остаток дня и всю ночь. Они станут пить пиво, нюхать крэк – она попробует, невзирая на отвращение, – и трахаться станут до звона в пустой башке. А наутро она пойдет на работу и всегда будет делать вид, что не заметила сальных поглаживаний своего брюхатого шефа. Он будет гладить ее по коленкам и заднице, а она с невозмутимым видом будет наливать ему кофе. Потом выйдет из кабинета и тут же забудет, в каком именно месте ее касались гадкие жирные пальцы. Он же никогда не идет дальше этого, так чего кипеть негодованием?..

А Хабаров пускай катится ко всем чертям! Не получится из него того героя, который ей был так нужен. Не получится, как ни крути! А то, что внутри у нее все горит сейчас и плавится, так это...

Черт его знает, почему и из-за чего это! Но пройдет оно, непременно пройдет. Вот как только уйдет Хабаров, и она позвонит Дэну, так сразу все и пройдет.

Но Хабаров все почему-то медлил. Продолжал стоять, тиская ее плечо, а потом и вовсе упал на колени, пристраивая свою голову на ее коленях. Допился, называется?

– Я не должен был тебя обижать, девочка. – бормотал он придушенным голосом. – Не должен был! Ты хороший человек, наверное. Я – дрянь! Даже собственная жена... Собственная жена заявила мне об этом. А мы прожили пятнадцать лет с ней! Это не час знакомства. Это целых пятнадцать лет... Дрянь, говорит, ты, Хабаров. Пустая, ничтожная дрянь, о которую даже ноги утереть стыдно. А ты меня домой к себе привела, Олеська.

Он уже ничего почти не соображал. Не соображал, что говорил. Не понимал, что делал. Каялся в чем-то. За что-то извинялся, поглаживая ее коленки, упакованные в джинсу. Потом шел, ведомый ею, и падал куда-то вниз со странным ощущением щекочущей пустоты в животе. Падал со странным хрустом и болью. Или это во что-то его спина упиралась.

Ничего не понимал, что говорил, что делал...

Он даже не понял, что произошло! И наверняка не понял, с кем он только что занимался любовью! Называя ее удобным, не так давно приобретенным: «детка», Хабаров любил ее по-пьяному неловко и второпях и, кажется, уснуть успел еще до того, как скатился с нее и занял свое место возле стенки.

Осторожно вытащив из его пальцев зажатый подол своего свитера, Олеся отодвинулась к краю широченного дивана, а потом и вовсе встала. Почему-то на цыпочках подошла к окну и выглянула на улицу.

Горы снега возле подъезда и вдоль дороги были расчерчены карандашными пунктирами наполовину занесенных жасминовых кустов. Скамеек и песочниц вовсе не было видно. В дальнем конце двора, правда, дыбилась красная островерхая крыша металлического гриба. Это все потому, что там постоянно дул ветер, и снега наметало чуть меньше. А какой начнется потоп, когда все это станет таять?! Ливневая канализация практически не работала. Лужи после дождей разливались размером с деревенский пруд. Приходилось прыгать с камня на камень, а то и вовсе таскать с собой в пакете резиновые сапоги. Это еще полбеды. Что будет, когда начнется стройка?! Тут уж никакие сапоги не помогут.

Липовая аллея, которую намеревался выкорчевать гаражный кооператив, брала свое начало как раз во дворе ее дома. И заканчивалась углом дома, в котором жил злобный и равнодушный Садиков. Как-то он там теперь? Проявил свою пленку, которая обещала ему скандальный сюжет?

Как отвратительно! Олеся скосила взгляд на спящего Хабарова.

Люди выясняют отношения, пускай даже ссорятся, а он, получается, подглядывает. Так мало этого, он еще снимает все это на фотоаппарат.

Ну, а дальше что? Как он собирается всем этим распорядиться? Поместит снимок в какой-нибудь скандальной газетенке? Вряд ли желтая пресса заинтересуется банальным скандалом семейной пары. Такое на каждом шагу сплошь и рядом. Зачем снимал тогда?

А может, он тайное удовлетворение получает от скандалов, когда мужчина бьет женщину по лицу? Это, пожалуй, версия. Хабаров же признался ей, что не выдержал и ударил Марину по щеке, когда она обозвала его дрянью...

Из-под плинтуса нещадно дуло, и голые ноги тут же озябли. Олеся поежилась, натянув пониже на бедра длинный свитер, и вернулась на диван. Осторожно присела и, склонив голову к плечу, со странной улыбкой уставилась на свое новое приобретение.

Хабаров – это было круто! Это было, как случайный порог на капризной горной реке, которого не ждешь и о котором никто никогда не говорил с тобой. Как боязнь бездны перед прыжком.

Он был совсем-совсем взрослый, красивый, не по-сегодняшнему правильный и интригующе загадочный. Олесе это нравилось, это ее волновало, и этого она давно ждала.

Хабаров спал, болезненно сведя четкой формы брови к переносице. Сильные руки безвольно раскинуты, ноги, наоборот, поджаты и напряжены, будто перед прыжком. Он еле сумел раздеться. Если бы не ее помощь, так и путался бы в ремне и новой застревающей молнии на джинсах. И голову бы ни за что не протиснул бы в тугое горло свитера, если бы не она. И еще он все время повторял, что хочет ее. Очень сильно хочет.

Его рука вдруг потянулась к ней, пошарила по диванному пледу, поймала за свитер и с силой потащила на себя.

– Ложись, детка, поспим немного. Ложись... Все будет хорошо!

Глава 4

– Нет, ну ты, Владюха, даешь! – Андрюха Анохин глядел на своего друга со смесью восхищения и недоверия одновременно. – И что теперь? Что станешь делать?

– Да ничего! Ничего я не стану теперь делать!

Признаваться другу в том, что трусливо бежал, пока Олесья мылась в ванной, он не стал. Рассказал просто о случайной встрече, не вдаваясь в подробности. Кивнул утвердительно на его вопрос: переспал ли он с ней. И все. Больше ничего не озвучил, никаких подробностей.

Хабаров болезненно сморщился от стука захлопнувшейся гаражной двери, куда он притащился под самый финал рабочего дня. Голова трещала так, будто ее кто-то час обрабатывал тяжелой кувалдой. Плющил и снова возвращал ей первоначальную форму. Потом снова плющил и снова возвращал...

– Уехать мне надо. На дачу к тебе поеду. Не к тебе, к Соньке. Отвезешь? – Влад с благодарностью принял из рук друга банку пива и, щелкнув пробкой, тут же принялся пить жадными глотками. – Мне-то теперь за руль нельзя! Какой из меня наездник...

– Отвезу. Чего не отвезти. – Анохин наморщил лоб, задумавшись, а потом как ляпнет: – А, может, тебя туда с твоей Олеськой и отправить? А чё! Вдвоем вам там будет веселее.

– Да иди ты! – отмахнулся от него Хабаров и снова поморщился, теперь уже от досады на себя самого.

Надо было так впариться, а вот надо было! Мало того, что пошел на поводу у незнакомой девки, так еще и выболтал ей все вчистую. И про Маринку, и про измену ее, и про то, что подкараулил ее за ангарами и пощечин надавал.

Зачем все это нужно чужому человеку, кто бы сказал?

– Ну, ты же сам говоришь, что она типа того, влюбилась в тебя с первого взгляда. – Анохин недоумевал, по его личным понятиям, отталкивать от себя женщину, питающую к тебе теплые чувства, было преступлением против логики и против общества. – Какая ей разница, где с тобой виснуть, Владюха?

– Отстань, сказал! – Хабаров отвернулся сердито.

И Андрюхе про Олеську тоже, наверное, зря рассказал. Станет теперь приставать, советовать, рекомендовать, как поступить. А ему этого ничего не нужно. Он не хочет ни советов, ни пророчеств, ни планов далеко идущих. Ничего не хочет. И Олесью тоже...

Как он мог вообще с ней сотворить все это?! Даже не помнит, успел ли сыграть на опережение в самый ответственный момент! А если она забеременеет, что тогда? Алименты платить всю оставшуюся жизнь? У него уже есть сын. Ему другого не нужно. А тут вдруг эта Олесья!..

Мысль о том, что эта девушка может оказаться охотницей за головами, ввергла Хабарова в еще большее уныние.

– Поехали, что ли? – Влад поставил пустую банку из-под пива на верстак и нетерпеливо глянул на друга. – Отоспаться хочу, подумать.

– Да, брат! Подумать тебе есть над чем.

Андрюху его терзания, казалось, забавляли. Да и глупо было бы ждать от него чего-то другого.

К тридцать седьмой своей годовщине друг успел обзавестись третьей женой, и никогда ни о чем сделанном не сожалел. На то она и жизнь, чтобы с ней экспериментировать: что-то ломать, что-то менять, что-то исправлять. Кто сказал, что он должен прожить весь отпущенный ему век с одной (!) женщиной?! Бр-рр, ужас какой!!! С одной и всю жизнь!..

Так ладно еще, если с ней все удачно сложилось, а если нет?! Что тогда? Ненавидеть друг друга, избегать, но продолжать находиться под одной крышей? Нет, это точно не для него. Он сторонник радикальных мер в отношениях с хрупкой половиной человечества.

А как же дети? Вот детей Андрюхе было по-настоящему жалко.

Но дети, успокаивал он себя, имеют обыкновение становиться взрослыми. И у них непременно появляется своя собственная жизнь. И в этой своей жизни эти самые дети будут делать свои собственные взрослые ошибки. Потом они станут исправлять их, и снова делать. И уж точно никогда и ни у кого не спросят совета. А уж если и спросят для отвода глаз, то поступят все равно – по-своему.

Из гаража автосервиса они вышли последними. Андрей запер дверь и, направляясь к автомобильной стоянке, коротко обронил через плечо:

– Домой будешь заезжать?

– Нет! – Хабаров даже вздрогнул от подобной перспективы. – Поначалу хотел, теперь передумал.

– Ладно, поехали...

Они загрузились в Анохинскую «десятку» и выехали, минуя шлагбаум, на центральную улицу.

Машин на проезжей части было очень много. Дороги чистили, усеивали песком, но снег настырно шел снова и снова. В снежной буро-коричневой каше колеса вязли, буксовали. Потом, с трудом преодолев препятствие, ползли дальше. А на том месте, где только что раздавался надсадный рев мотора, оставалась глубокая рыхлая колея, мгновенно засасывающая следующую жертву.

Пробки, пробки, длинные цепи из сигналижащих автомобилей и без устали, на всякий лад матерящихся водителей.

Они не стали исключением и, влившись в общий поток, так же принялись ерзать, пробуксовывать и материться.

– Где власти городские?! – орал Анохин, пытаясь вывернуться из очередного зыбкого месива. – Где, я вас спрашиваю?! Какого хрена сидят там, зады греют в кожаных креслах?!

– У тебя один из этих представителей ремонтируется, вот ты у него и спроси.

Хабаров, в отличие от друга, сохранял абсолютное спокойствие. Спешить ему было особо некуда. Вопрос – потеряют ли они полчаса, или час в пробках – его не особо занимал. Какая разница, где убивать время: на дороге или в чужом пустом доме? Тут хоть собеседник имелся, а там что? А там пустые чужие стены.

Может, он поспешил удрать от Олеси? Может, надо было остаться у нее до утра? Нет! Хабаров тут же с дрожью отверг подобную идею. Какой бы обворожительной и соблазнительной она ни казалась, она была ему чужой. Чужой и случайной! Пускай она его волновала, как женщина, пускай! Но говорить-то с ней он не знал о чем. А это для Хабарова было главным. Говорить, чувствовать, понимать...

Дребедень! Вдруг снова разозлился он на себя.

Вся эта дребедень пятнадцать лет сидела в его мозгах, и что вышло?!

Говорил он со своей Маринкой. Часами разговаривал обо всем и ни о чем. И не уставал никогда и не раздражался. И чувствовал ее, как никто. Даже ее гадкая мамаша так не чувствовала свою дочь, как он. И понимал тоже. Правда, не всегда...

– Я хочу другой жизни, понял!!!

Как же часто в последние годы он слышал эту фразу. Чаше, чем положено, и никогда не понимал до конца ее истинного смысла.

– Какой другой, Марина?! Какой?! Наслаждаться нужно просто самим понятием жизнь, милая! Просто одним тем, что она нам дадена! Мы ходим, дышим, чувствуем, нам хорошо вдвоем. Какая разница, где нам с тобой хорошо: в нашей квартире или на вилле?! И не будет наш сын хуже, если пойдет учиться в наш институт, а не уедет в Гарвард! Это же все веяние времени, мишура, которая схлынет по истечении времени, о которой многие не задумываются и оттого счастливы.

– А я хочу этой самой мишуры, понял?! Хочу!..

Хабаров отвернулся к окну и закусил губу, вспомнив сегодняшнюю безобразную сцену на пустыре за ангарами.

Безобразная, еще мягко сказано. То, что произошло там, было чудовищно!

Маринка, увидев его, вывернувшего из своего укрытия, и поняв, что он за ней следил, пришла в бешенство.

Как же она орала! Как орала, увидев его!

Конечно, он поломал ее планы. Он что-то такое нарушил в гладком графике ее новой глянцевої жизни, в которую он со своей черствой правильностью и хмурой несовременностью ну никак не вписывался.

– Убирайся, чмо болотное!!! – визжала она, забыв о приличиях и не заботясь о том, что их может кто-то услышать. – Ненавижу тебя, Хабаров! Ненавижу!!!

– Да? А утром любила. И соблазнить пыталась. И на развод была не согласна.

Ее ненависть буквально пригвоздила его к земле. Влад был не готов к такому после Маринкиных утренних ужимок. Порхала там по кухне, сырники жарила. Что-то такое журчала о его привлекательности. И тут вдруг такая разительная перемена. Он не был к этому готов. Абсолютно.

– Как ты меня нашел? Как? Следил за мной, мерзавец?!

Рассказывать ей о том, что забрел за эти ангара совершенно случайно, справить личную нужду, Хабаров не стал. Его появление там не было случайностью. Он намеренно шел за Маринкой, заметив в толпе покупателей в супермаркете знакомый силуэт.

Нет, все началось не так.

Сначала утром он, объявив ей о том, что собирается подавать на развод, ушел на работу. Невзирая на сильный мороз, пешком добрался до автосервиса. Подумаешь, три автобусные остановки. Не такое уж это и расстояние. Зато было время подумать, погоревать.

Он ведь горевал в тот момент. Еще как горевал! И всех-то ему было жалко. Даже тещу противную, провалилась бы она в тартарары, жалко было. Кто ей, кроме него, отвезет в мае мешок картошки на дачу и поможет вскопать огород? На него же всегда только была и надежда.

А Вениамин? С ним что станет, когда отец решится наконец уйти из дома? Станет таскать и клянчить деньги у матери с бабкой на раннюю выпивку, девчонок, а там и до наркотиков недалеко.

И Маринка опять же не чужая. Грязная, подлая, но не чужая. Может, все еще и наладится. Забросит она свои гулянки и любовников. Забудет о своих мечтах про красивую жизнь и обратит свой взор на семью, на мужа. И заживут они, как и прежде, весело и счастливо. Он постарается...

Пока дошел до ворот своего автосервиса, весь извелся. Какая тут может быть работа при таком-то течении мыслей? Хабаров и отпросился. Походил сначала по гаражу из угла в угол, а потом отпросился, сказавшись больным.

Вышел на улицу и вновь побрел домой. Снова думал, и думал, и думал.

А способен ли он ее простить? Сможет ли забыть ее измены? Переломит ли себя? Тут же отвечал сам себе, успокаивая: а почему нет?! Все это он успешно продельвал минувшие четыре года, что изменилось сегодня? Его утренний взбрык можно считать легким, не оформившимся бунтом. Он тоже может иметь право на такое, не одна она.

Подумал так и сразу повеселел.

Тут-то на полпути к дому и попался ему на глаза этот супермаркет. На кой черт он туда завернул? Дома же жратвы было навалом. Зачем, спрашивается, пошел? Ах, да, как он мог забыть! Он пошел туда за тортом и букетом в знак примирения. Потом решил еще и шампанского захватить. Выбрал самое дорогое, с мудренными завитками французских букв, в которых он ни черта не разбирался, поскольку везде: и в школе, и в институте учил английский.

Выбрал, осторожно уложил на дно тележки рядом с большой коробкой торта и медленно двинулся между рядов к кассам. И вот тут...

Классический пример того, что муж обо всем узнает последним. Нет, знать-то он, конечно, знал. О чем не знал, о том догадывался. Но видеть никогда не доводилось. Уехала и уехала на работу. Задержалась, так задержалась. Вызвали в выходные, ладно, значит, так кому-то было нужно. Тешил себя еще и мыслью, что там в ее санатории за городом мало кто знает. Око, как говорится, не видит...

А тут белым днем, в гуще народу, почти в центре города!

Хабаров поначалу подумал, что обознался. Нырнул под прикрытие высоких стеллажей с макаронами и минуту-другую пытался выровнять сбившееся дыхание. Снова осторожно высунулся и смотрел потом уже, не отрываясь.

Его жена... Его Маринка, которая каких-то пару часов назад умоляла его не разводиться, покупала продукты. Не было бы в этом никакой странности, не покупай она их со своим любовником.

То, что эти двое любовники, было видно невооруженным взглядом. Взгляды, ужимки, поглаживания, робкие вороватые поцелуи под названием «пока все отвернулись».

Целовала мужика в основном Маринка. Тот милостиво позволял, снисходительно поглядывая с высоты своего немалого роста, и без устали таскал с прилавков угощение, забывая до отказа уже вторую тележку.

Хабаров, как идиот двинулся за ними следом по параллельному ряду. Потом пристроился в хвост очереди, где стояли эти двое. Дождался, пока они расплатятся. Платил, к чести его, мужчина. Расплатились. Покидали все в большие пакеты и пошли к выходу. А он еще какое-то время дурак дураком глядел им вслед.

Спихватился, едва не опоздав. Оттолкнул от себя ногой тележку с ненужными теперь уже тортом и шампанским и побежал на улицу. От морозного воздуха, хлынувшего ему в легкие после теплого магазинного нутра, ему мгновенно перехватило дыхание. Или, может, от другого он вдруг перестал дышать. От той безобразной, на его взгляд, сцены прощания двух любовников.

– Я тут сейчас по делу, на минутку всего, хорошо, солнышко мое? – не снижая голоса, проворковала Марина. Склонилась к водительскому месту и звучно поцеловала мужчину в щеку.

– У-мм, я так не играю! – закапризничал сразу тот, вывернув полную нижнюю губу поролоновым валиком. – Мы же договорились, Маня!

Маня?! Почему Маня?!

Хабаров, спрятавшийся за рекламным щитом и безобразно подглядывающий, просто оторопел.

С каких это пор его Маринка, его законная вот уже как пятнадцать лет супруга, превратилась в какую-то Маню?! Как... как последняя проститутка, просто! Маня! Маня – золотая ручка. Маня – облигация. Маня – шустрый язычок...

Влада колотило так, что стоящая с семечками неподалеку бабка принялась посматривать в его сторону с опасением.

– Малыш, я скоро, поверь!

Маринка продолжала извиваться перед своим женихом, согнувшись в три погибели. Полы ее дорогой светлой шубы ползали по грязному снегу, но ее, кажется, это нисколько не волновало. В этом, видимо, был свой стиль, свой шик – не дать понять, что тебе присуще что-то меркантильное. К тому же при этом полы шубы очень выгодно разъехались в стороны, обнажая ее крепкие ноги. Юбки-то почти не было. Хабаров ни за что не назвал бы то, что надето сейчас было на его жене, юбкой.

– Я скоро, малыш! – томно простонала Маринка, не стесняясь совершенно, схватила двухметрового «малыша» за руку и приложилась к ней губами. – Не скучай! Не пройдет и часа, как я буду в нашем гнездышке. Накрывай на стол. Пока, малыш!

– Жду, детка! Жду, как всегда!..

Потом уже, много позже, сидя на кухне у незнакомой девушки, Хабаров спрашивал себя: пошел бы он за Маринкой следом, не услышь он про это самое гнездышко? Стал бы плутать по переулкам, пробираться через сугробы, прятаться за углами домов и стволами деревьев? Или ушел бы?

Нет, вряд ли бы ушел. Все равно потащился бы следом, в надежде проследить, узнать, увидеть, а потом пригвоздить фактами, припереть к стенке. Как там еще это называется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.